

ТОТ, КОГО НЕ БЫЛО*Трилогия***ВОРОТА***Пьеса первая*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Возвращенец.

Трактирщик.

Пьяница.

Девушка.

Сторож.

Секретарь.

Служащий.

1-й Военный.

2-й Военный.

Черные мрачные ворота. Они вечно закрыты и видны то вблизи, то едва просматриваются.

В этой истории ворота – главное действующее лицо.

Возвращенец и Сторож.

СТОРОЖ. Заперты! Изнутри! До утра даже я не имею права войти в город. Ты разве не слышал звон колоколов?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Слышал. Я свернул за последний поворот и был уже в нескольких метрах от ворот.

СТОРОЖ. Если б подсуетился, успел бы войти. Небось очень устал?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да, малость запыхался.

СТОРОЖ. Наверное расчувствовался?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Поворот был крутой.

СТОРОЖ. Да-а... Такое бывает – прямая дорога неожиданно идет вверх.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не умничай. В последний раз прошу – открой ворота.

СТОРОЖ. Возвращенец пожаловал! Всех, подобных тебе, я так называю.

Поэтому и не спрашиваю, как тебя зовут.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Меня зовут...

СТОРОЖ. Я же сказал, сейчас не спрашиваю. Не спеши, надо будет, узнаем и имя, и про все остальное.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что за чушь ты несешь! Сколько раз тебе говорить: вернулся я и должен войти в город. Там для меня кое-что сохранилось из прошлой моей жизни.

СТОРОЖ. Из прошлой жизни... С прошлым покончено – сразу после твоего отъезда.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ошибаешься. Я выдержал горечь разлуки, потому что каждый день мысленно сюда возвращался.

СТОРОЖ. Возвращение еще не значит продолжение.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. С каких это пор сторожа стали философами? Твое дело открывать ворота.

СТОРОЖ. Ты опоздал.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что за глупости, город же всегда был открыт, ворота – это так, одна видимость.

СТОРОЖ. Согласно приказу Вышестоящей инстанции, городские ворота закрываются ровно в полночь и открываются спустя час, сорок минут и пятнадцать секунд после наступления рассвета.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. И с каких пор действует этот приказ?

СТОРОЖ. После твоего отъезда... через день, три месяца, а может, пять лет...

Разве это важно?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Из-за какого-то глупого приказа я должен ночевать здесь, под открытым небом?

СТОРОЖ. Согласно тому же приказу, чужестранцам разрешается подходить к городу не ближе, чем на пятьдесят метров. *(Сменив официальный тон, вполголоса.)* Видишь, свет горит слева? Ступай и переночуй там. Если...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Это мой город, в нескольких шагах отсюда находится дом моего деда и прадеда. Почему я должен ночевать черт знает где? Ведь я же вернулся!

СТОРОЖ. Не у любого возвращения есть ожидание.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Хватит языком трепать, открой лучше ту маленькую дверцу, и я войду, никто и не увидит.

СТОРОЖ. Та маленькая дверца давно-о запечатана.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(сникнув)*. Как же так? Когда мы с друзьями ходили в лес, то на обратном пути всегда возвращались через ту дверцу.

СТОРОЖ. Она запечатана. После твоего отъезда... через день, три месяца...

Послушай, ступай, дождись там до утра. Если...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что ты заладил – если, если... ну что еще, говори!

СТОРОЖ. А ты надоел своими вопросами. Давно к этим воротам не подходил такой упрямый чужестранец.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да не чужестранец я, ты же сам сказал – Возвращенец...

Сколько можно повторять: по ту сторону, за этим мраком находится мой город.

СТОРОЖ. Скажите на милость – мой го-род!.. Город прекратил быть твоим, как только ты надумал вернуться.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ты меня сведешь с ума! Я воз-вра-тил-ся!

СТОРОЖ. Ну мы это еще поглядим, когда наступит утро. И если... А пока уходи.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. И уйду! А утром войду в город, но так, чтоб тебя не увидеть.

Постарайся не попадаться мне на глаза. *(Удаляется, но с полпути возвращается.)*

А ты когда-либо возвращался?

СТОРОЖ *(невозмутимо)*. Не всегда дорога – единственное условие возвращения.

Придорожный трактир. Перед горящим камином сидит Т р а к т и р щ и к,
мужчина неопределенного возраста. Огонь в очаге освещает помещение.

В углу, на низком топчане кто-то спит, прикрывшись одеялом. Стук в дверь не будит его. Постучавшись еще несколько раз, входит В о з в р а щ е н е ц. ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Дверь была приоткрыта... Я постучался... и вот вошел без приглашения.

ТРАКТИРЩИК. Надо было войти без стука.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Откуда я пришел, там всегда стучатся в дверь.

ТРАКТИРЩИК. Ты забыл, что дверь здесь всегда открыта.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ворота тоже?

ТРАКТИРЩИК. Мне нет дела до города. А ты... давно ты отсюда уехал?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Как будто вчера это было, но тогда я не был такой уставший. Я... я вернулся.

ТРАКТИРЩИК. Знаю. А ты поменьше напоминай об этом. Хотя бы до рассвета.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Завтра я войду в город, и все прожитые мной дни сойдутся в один день, как в клубок. Дойду до дома, вышвырну его далеко-далеко. И забуду обо всем.

ТРАКТИРЩИК. А дом свой... ты помнишь?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ (*напряженно*). Почему ты спрашиваешь? Помню ли я?.. В одном из далеких городов, а потому и безымянных, я увидел улицу. Обычная была улица, по обе ее стороны – похожие друг на друга дома. Я шел по ней и... в проблеске окон дома справа мелькнуло отражение моего дома... Прикованный к своему камину, да разве ты поймешь, что такое услышать у чужого порога, в безымянном городе голос родного дома?

ТРАКТИРЩИК. И ты постоял перед тем домом долго-долго, и на глаза твои навернулись слезы...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Напрасно насмехаешься, не знаешь ты, что такое тоска... Я даже не замедлил шаги перед домом. А вечером в трактире напился как собака. Почему так говорят – как собака? Ты видел когда-нибудь пьяную собаку?

ТРАКТИРЩИК (*безразлично*). Угу, вон лежит там, в углу. Ну, напился, а дальше?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не только напился. Перебил всю посуду в трактире. И все зеркала.

ТРАКТИРЩИК. Здесь зеркал нет, но стаканы найдутся.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Хватит пока и одного стакана, полного.

ТРАКТИРЩИК (*протягивая стакан*). И когда хотелось побить посуду, ты всякий раз наведывался на ту улицу?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да. Для этого, бывало, приходилось пересечь несколько границ.

ТРАКТИРЩИК. Я бы мог сказать, что для этого надо было домой вернуться. Но промолчу. Не всегда возвращение означает приближение к покинутому дому.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да... жаль, что нет здесь зеркал... Устал я от дорог, от слов устал. Давненько не было у меня ни крепкой выпивки, ни теплого очага. Ожидание же у меня прежнее.

ТРАКТИРЩИК. Ну что ж, жди.

Возвращенец садится у огня. В тишине слышится потрескивание дров.

Возвращенец, Трактирщик, Пьяница.

Оба смотрят на огонь. Спящий на топчане подает признаки жизни, чуть погода отбрасывает одеяло и садится, еще не совсем очухавшись.

ПЬЯНИЦА. Дайте воды попить.

Те двое словно не слышат его.

И чего это я проснулся? Хороший сон снился: длинный стол, а на нем выпивона, сколько душе угодно. Хотел выпить стакан и, знаешь, о чем подумал: а водка ли в бутылках? Ну а что ж еще, в самом деле?... Даст мне кто-нибудь воды? Сдох этот проклятый трактирщик, конец ему пришел! Когда-нибудь и я подохну, по пьянке, конечно же, но он-то подохнет трезвенником... (*Хрипло смеется, потом резко.*)
Кому говорю, дай воды! Каждый раз одно и то же. И не надоедает – ни мне, ни тебе.

Встает, неуверенной походкой направляется в глубь комнаты, хочет налить воды в стакан, но, передумав, пьет прямо из графина. Приходит обратно, так и не глянув на

Возвращенца и Трактирщика.

Сегодня ворота открылись – была ярмарка. Но посетителей – раз-два и обчелся. Эй, Трактирщик, на рынке тоже никого не было?

ТРАКТИРЩИК. Поди и сам посмотри.

ПЬЯНИЦА. Тыфу! Убудет тебя, если скажешь? Ты вообще на вопросы мои отвечал когда-нибудь?

ТРАКТИРЩИК. Ты тогда пришел, пропустил несколько стаканчиков и спросил: как пройти к вокзалу?

ПЬЯНИЦА. А ты ответил, да?!

ТРАКТИРЩИК. Разве нет?

ПЬЯНИЦА. Поэтому я до сих пор и торчу здесь!

ТРАКТИРЩИК. А я-то тут причем? Кроме тебя, кто еще задерживался из-за меня, так и не купив билета на поезд. Вспомни, за десять лет, кто, кроме тебя, заблудившись, остался здесь?

ПЬЯНИЦА. Только я один.

ТРАКТИРЩИК. Вот видишь, не во мне ищи причину...

ПЬЯНИЦА. А в самом себе. О, Господи, опять одно и то же. И не надоест – ни мне, ни тебе. *(После паузы.)* В полночь поднялся ветер, покружил у ворот, но в город так и не проник.

ТРАКТИРЩИК. Ты уже успел пропустить первый стаканчик.

ПЬЯНИЦА. В полдень в небе всплыла луна и сразу ее заволокли тучи. Но туч в небе не было.

ТРАКТИРЩИК. Ты выпил второй стакан.

ПЬЯНИЦА. И мне вспомнилась сказка про белых птиц.

ТРАКТИРЩИК. И выпил ты...

ПЬЯНИЦА. Свой сотый стакан. Скажи-ка, Трактирщик, а этот вот знает обо мне?

ТРАКТИРЩИК. Его интересуют пьяные собаки.

ПЬЯНИЦА. Ну да... ты боишься обо мне рассказать?

ТРАКТИРЩИК. Еще чего! Прямо дрожу от страха. Ему нет дела до тебя.

ПЬЯНИЦА. Ты еще скажи – он вернулся.

ТРАКТИРЩИК. Его спроси.

ПЬЯНИЦА. Сам-то он знает?

ТРАКТИРЩИК. У нас же ты – всезнайка.

ПЬЯНИЦА. Я – да. Я знаю, какой у стакана цвет, когда я допиваю последний глоток. Знаю, что я чувствую, когда через секунду охмелею. Это похоже на приближение к пропасти, откуда сверзиться вниз кажется единственным выходом – и так до очередного рассвета и протрезвления.

ТРАКТИРЩИК. А ты многое знаешь...

ПЬЯНИЦА. Вот гляжу на тебя: ты серьезный такой, слова лишнего не скажешь, Вышестоящая инстанция о тебе лучшего мнения, и доход у тебя, небось, приличный...

ТРАКТИРЩИК. Ну, ежели посетитель у меня такой, как ты...

ПЬЯНИЦА. А я не посетитель, и ты это знаешь. Все это ерунда, скажи-ка лучше, что ты тут делаешь?

ТРАКТИРЩИК. А ты не знаешь?

ПЬЯНИЦА. Нет. До тебя тут еще побывали люди, но из них никто больше месяца не продержался, вернулся обратно.

ТРАКТИРЩИК. Или отправился на вокзал.

ПЬЯНИЦА. Да, бывало... Но главное не это. Ты-то почему остался, неделями не появляешься в городе.

ТРАКТИРЩИК. У меня никого нет в городе.

ПЬЯНИЦА. А семья, братья-сестра? Родные-близкие? Те, кто еще остался, тебе никто?

ТРАКТИРЩИК *(встает, берет бутылку со стаканом и подходит к Пьянице)*. Лучше возьми выпей. Сколько времени мы знакомы?

ПЬЯНИЦА. Лет десять.

ТРАКТИРЩИК. Ну раз ты за десять лет ничего не понял, зачем сейчас понимать.

Ты пей... В жизни каждому суждено выпить свою чашу. *(Возвращается и садится у камина.)*

ПЬЯНИЦА *(медленно наливает себе водку, словно нехотя пьет)*. Возвращенец, с чем пожаловал издалека? Молчишь. Задремал, что ли, или не хочешь с Пьяницей поговорить? Ты молчи, я буду говорить, а то пить без слов глупо. Речь придает выпивке серьезность. В молчаливой пьянке есть что-то отпугивающее. Так что

буду говорить. Возвращенец, а что тебе дала чужбина? Допустим, скажешь «ничего» или «всё». Но это одно и то же. Почему? Потому что иначе бы тебя здесь не было.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. А где бы я был?

ПЬЯНИЦА. Ага, заговорил, значит, не спишь... Не знаю – во всяком случае не здесь.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я думал, вы меня примете. Не лишитесь чувств от радости, но хотя бы останетесь довольны, что вернулся.

ПЬЯНИЦА. А разве мы от души провожали тебя, чтобы и с радостью встретить?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. За время моего отсутствия произошла одна перемена: те, кто остался, превратился в арсенал слов... чтоб защититься.

ПЬЯНИЦА. От кого же?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. От нас.

ПЬЯНИЦА. Словами?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. А что, мало?

ПЬЯНИЦА. Послушай, ты, что, в самом деле думал, что тебя встретят с фанфарами?

ТРАКТИРЩИК (*Возвращенцу*). Не обращай ты на него внимания. Сейчас опохмелится и пообреет.

ПЬЯНИЦА (*Трактирщику*). Заткнись! Он в твоей защите не нуждается.

Возвращенец очень сильный, такой сильный, что сумел уехать, а потом вернуться. Трактирщик, а много было таких, как он?

ТРАКТИРЩИК. Бы-ыли...

ПЬЯНИЦА. Да-а? Послушай, Возвращенец, что ты с такой злостью уставился на меня? Ну, ну, вздохни поглубже, расслабься. (*Пьет.*) Авось и улыбочка в глазах появится. Возвращенец, он должен быть чуточку добрым. Всю доброту растерял, что ли?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ (*подходит, садится напротив Пьяницы*). Мне противны и алкоголь и пьянчуги.

ПЬЯНИЦА. Да ты и сам такой же.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Вот поэтому мне и особенно противно. Но моя злость не имеет отношения к твоей водке. Почему ты спросил у Трактирщика, рассказал ли он мне о тебе? Выходит, боишься. Как собака, боишься.

ПЬЯНИЦА. Как собака, пьяный, как собака, боишься... Поостерегись, не то как залаю.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Нет, поздно уже, кончились твои пошлые шуточки. Сейчас я скажу, кто ты и что тут делаешь. Таких, как ты, легко узнать – у вас в любом придорожном трактире есть свой угол и свой стакан. А еще – неиссякаемый запас злословия, который удваивается, когда вы его расходуете. Такие, как ты, на дух не переносят мне подобных, и ты знаешь, почему. Мы сильные, решительные, нас не страшат дороги, а все то, что мы оставили в прошлом, наша сила, а не слабость. Представь, что случилось бы, не будь таких, как мы. Дороги б заросли мхом и покрылись жухлой травой забвения, потому что далекий горизонт утратил бы свою заманчивость. Вы, как жалкие подобия маятника, – колеблетесь, барахтаетесь в своих сомнениях... Ты что же думаешь, подвиг совершил? Вздумал однажды покинуть город, да так и запутался в собственном намерении... по сей день. Ни в город не можешь вернуться, ни на вокзал отправиться. А отбившие и возвращенцы напоминают о твоей слабости, трусости, и чтобы не захлебнуться в своей зависти, ты лакаешь, как собака, и боишься, как собака.

Молчание.

ТРАКТИРЩИК. А ты и впрямь сильный человек, Возвращенец.

Возвращенец берет у Пьяницы стакан и пьет.

ПЬЯНИЦА. Кто же занес в город эту болезнь, эту эпидемию? Однажды все увидели, что в городе есть ворота, не закрывающиеся ворота. А за поворотом, по ту сторону... Нет, там никто не сулил сладкую жизнь. Просто в нашем городе ничего не осталось, кроме безнадежности. Так в это время в город и проникла эта зараза – дорожная болезнь, и люди скрылись за поворотом, по ту сторону... Вначале я оплакивал отбытие каждого, но по-мужски, не показывая слез – душа плакала. Это самая жестокая форма опьянения. А потом я стал ругать очередного отбивающего. От этого пьянеешь не меньше. И вот однажды мне все осточертело

и я решил убраться восвояси. Трактирщик, когда я в тот день пришел к тебе, у меня уже был билет в кармане. Не смог сказать тебе о своем решении и спросил дорогу к вокзалу. Когда я выпил первый стакан, что ты поднес мне, я понял, что не в силах попрощаться. После второго стакана понял, что дороги – не мой удел, не осилю, а третий стакан подсказал, что никому возвращение не нужно. Продолжая пить, я думал об одном и том же: я не в состоянии ни жить в опустевшем городе, ни покинуть его. Я могу только пить.

А знаешь, Возвращенец, еще до этой эпидемии в городе происходило чудо. В полдень в небе появлялись белые птицы. Я рассказывал об этом людям, но никто мне не верил, смеялись надо мной, говорили, что мне с пьяных глаз показалось. Но в те дни я вообще капли в рот не брал. А сейчас вот не просыхаю и днем и ночью, а птиц в небе не вижу. Ты не знаешь, Возвращенец, куда подевались птицы? *(Встает, и только сейчас чувствуется, что он пьян. Снова ложится на топчан и прикрывается одеялом.)*

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Трактирщик, этот пьяница...

ТРАКТИРЩИК *(резко)*. Он не пьяница!

Входят двое Военных. 1-й В о е н н ы й встает у двери. 2-й В о е н н ы й подходит к камину, прикуривает, искоса глядя на Возвращенца.

2-й ВОЕННЫЙ. За последние три месяца ты первый чужестранец, который подошел к городским воротам.

ТРАКТИРЩИК. Ты забыл про бродячего певца.

2-й ВОЕННЫЙ. Он не в счет. Певцы вообще не считаются, да еще бродячие... Они всегда казались мне подозрительными.

ТРАКТИРЩИК. Значит, ты не понимал.

2-й ВОЕННЫЙ. Что я не понимал?

ТРАКТИРЩИК. Не что, а кого. Певцов не понимал.

2-й ВОЕННЫЙ. А что тут понимать?! Знаешь, когда я в последний раз от души посмеялся? Когда узнал, что все мелодии в мире написаны с помощью семи нот. Но не будем отклоняться. Зачем ты прибыл, чужестранец?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не прибыл я, а вернулся.

2-й ВОЕННЫЙ. Мы это еще выясним. Утром. Трактирщик, доложи обстановку.

ТРАКТИРЩИК (*монотонно, как робот*). Он постучался в дверь, потом вошел.

Устал. Он сильный, он знает, что такое тоска. Ни чемодана, ни сумки при нем не было.

2-й ВОЕННЫЙ (*чуть добрее*). На следующей неделе можешь отправиться домой. На три дня. Нет – хватит и двух дней. Так говоришь, у него нет сумки?

ТРАКТИРЩИК. У него ничего нет.

2-й ВОЕННЫЙ (*обеспокоено поворачивается к Возвращенцу*). И как это прикажешь понимать? Вот так налегке явился-не запылится? (*С надеждой.*) А может, ты забыл чемодан у сторожа? Мой помощник сходил бы за ним. А?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. У меня с собой ничего нет... Я... я вернулся.

2-й ВОЕННЫЙ. Пожаловал среди ночи и делаешь необоснованные заявления? (*С внезапным миролюбием.*) Послушай моего доброго совета: уходи отсюда.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Как только я подошел к воротам, я перестал понимать, что тут происходит. Для кого весь этот спектакль? Может, ты объяснишь, Трактирщик?

2-й ВОЕННЫЙ (*к Трактирщику*). Почему он к тебе обратился? У него тон доверительный, это подозрительно... На следующей неделе ты не пойдешь домой. (*1-му Военному.*) Начинай!

Картина напоминает кадры из немого кино. 1-й Военный достает из кармана метр и измеряет рост Возвращенца. Затем снимает отпечатки пальцев.

Возвращенец напоминает манекен – он проявляет неожиданную покорность.

Обыскав его и ничего не обнаружив, 1-й Военный возвращается на прежнее место.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что все это значит?

2-й ВОЕННЫЙ. Почему ты не спросил раньше, когда тебя обыскивали?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что все это значит?

2-й ВОЕННЫЙ. Ну, ну... Не стоит так кипятиться. Ты пересек столько границ, должен был уже привыкнуть к подобному обращению.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Это были чужие границы.

2-й ВОЕННЫЙ. Не стоит так усложнять. Очередная проверка, и только.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Меня на мякине не проведешь. Когда я войду в город, я потребую объяснения.

2-й ВОЕННЫЙ. Ну, когда войдешь в город, тогда и продолжим наш разговор. А пока... *(Начинает игру: рассказанная Пьяницей история в его устах звучит как не скрываемая издевка. Не ясно: он передразнивает его или обращается в таком тоне к Возвращенцу.)* В полдень раздавался бой часов на городской управе, горожане открывали окна. В эти минуты небо наводняли белоснежные птицы. Они парили над городом, и люди верили: так будет всегда. А потом...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Что – потом?

2-й ВОЕННЫЙ. Ничего. Он покинул город. Сказал: «Я вернусь» и ушел.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Кто был он?

2-й ВОЕННЫЙ. Не важно. Просто в небе исчезли птицы. *(Резко меняет тон.)* А сказка тебе понравилась, да-а. Ты слушал, как замороженный и, если б я продолжил, ты что-нибудь да ляпнул и очень бы об этом пожалел. Тебе было бы очень стыдно, ты б даже презирать себя стал. Вот видишь, какой я добрый, быстро прекратил игру. *(Деловито.)* Из города уходят другой дорогой. Трактирщик тебе покажет.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(едва слышно)*. Я вернулся.

2-й ВОЕННЫЙ. Какое еще возвращение? Птицы исчезли. *(Уходит.)*

1-й ВОЕННЫЙ *(бочком приближается к Возвращенцу)*. Я все сделал... Я из кожи лез вон. Знаешь, как медленно я мерил твои габариты. А когда я брал отпечатки пальцев, знаешь, как сильно сжимал их и сдавливал. А ты молчал, как будто я и не касался тебя своими потными руками... Даже запах моих гнилых зубов не возмутил тебя. И ты еще хочешь вернуться в город? *(Срывается с места, на пороге оборачивается.)* Разбивать стаканы на чужбине еще ничего не значит! *(Уходит.)*

Возвращенец, Трактирщик.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Мне надо что-то сказать. Что-то надо сделать... Все вы чего-то ждете от меня. Но я ничего не знаю. Трактирщик, скажи что-нибудь. Молчишь... А вокруг меня образуется стена теней. Да скажи же что-нибудь, Трактирщик, не то я врежусь сейчас в эту стену теней... но мне надо дождаться рассвета. Я должен дождаться!

ТРАКТИРЩИК. Дрова в соседней комнате, принеси. Огонь должен гореть до утра.

В о з в р а щ е н е ц уходит.

Трактирщик, Д е в у ш к а.

ДЕВУШКА (*вбегает, запыхавшись, старается скрыть волнение*). Он здесь? Зря молчишь. Знаю, он вернулся. Я только что встретила тех двоих, они о чем-то разговаривали и не заметили меня. Правда, не заметили. Я прильнула к стволу и слилась с деревом.

ТРАКТИРЩИК. Меня это не касается. Уходи лучше отсюда.

ДЕВУШКА. Чего ты боишься?

ТРАКТИРЩИК. Несколько ночей в году ты покидаешь город, рискуешь жизнью, чтобы добраться сюда... Сливаешься с деревом... Ну сколько можно надеяться? Уходи отсюда!

ДЕВУШКА. Не уйду, я должна его видеть! Ты всего лишь трактирщик и не имеешь права указывать мне и навязывать свой страх.

ТРАКТИРЩИК. До тех пор, пока надежда бродит, как бездомная собака, по улицам города исчезнувших теней, среди заброшенных домов, то дерево бессильно. Но в один прекрасный день может случиться так, что кора дерева поглотит тебя навсегда. Как ты не хочешь понять... (*Видя, что девушка безучастна.*) Ладно, если он узнает, я промолчу, ну а если...

ДЕВУШКА. Что – если?

ТРАКТИРЩИК. Вернешься в город.

Девушка садится рядом с Трактирщиком.

Те же и Возвращенец.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(кладет дрова у камина, словно не замечает Девушку)*. Долгая будет ночь.

ТРАКТИРЩИК. Не длиннее, чем предыдущие ночи.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Сейчас заметил, что звезды в небе ни на йоту не сдвинулись с места.

ТРАКТИРЩИК. Бывает, ночь и звезды теряют друг друга.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Здорово сказал! Это дочь твоя?

ТРАКТИРЩИК. И да и нет – думай, как хочешь.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Мне все равно.

ДЕВУШКА. А почему ты спросил?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ты обиделась? Извини. Если честно, не охота говорить. Главное – дождаться утра, а так как звезды и ночь потеряли друг друга, то мне надо быть начеку.

ДЕВУШКА. Видно, ты привык быть начеку?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. На чужбине это очень помогает – ты можешь с первого взгляда отличить чужестранца от местного жителя. Местному незачем быть бдительным, так что бдительность красноречивее любого паспорта.

ДЕВУШКА. И ты чужестранец, потому что слишком уж бдительный.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да, здесь я чужестранец. А завтра, как только войду в город, выкину мерзкую маску бдительности.

ДЕВУШКА. У тебя есть маска? Можно ее пощупать? *(Начинается игра: с места встает женщина-обольстительница.)* Здесь такой полумрак, но ничего, я встану на колени, и огонь в камине осветит твое лицо. Что за глаза у тебя, свет притаился в их глубине... А губы какие избалованные, они еще не утратили тот далекий вкус и аромат... Виски уже поседели. Дай мне руку!.. Сколько же дорог избороздили твою

ладонь?.. Их так много, что они перекрыли собой линии жизни и смерти. Не видно конца...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Зачем ты все это говоришь? Твои слова еще на позапрошлой неделе пошли с молотка.

ДЕВУШКА (*уклончиво*). Лучшее средство освободиться от слов – произнести их вслух... наверное.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ты ведь из города? Как тебе удалось оттуда уйти? Хотя это не важно. Пока не важно. Как там в городе?

ДЕВУШКА. Нет твоего дома.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ (*не удивившись*). Нет...

ДЕВУШКА. Твой дом так долго пустовал, что горожане о нем забыли. А однажды в доме появился некто. Он ни разу не открыл ни двери, ни окна, но мы слышали, как он выдвигает ящики, ворошит постельное белье, шарит в шкафах. Он настолько проникся всем этим, что твой дом больше не выдержал. Был ясный, солнечный день, очень мирный, и мы почувствовали: что-то должно произойти. Сначала дверь дома вдруг рассыпалась на мелкие куски и превратилась в пыль. Потом оконные стекла разбились вдребезги... И началось что-то невероятное: все рушилось, трескалось, разлеталось с чудовищным грохотом. Так длилось до тех пор, пока дом не превратился в кучу, похожую на ледяную глыбу. После чего поднялась вьюга и все это смела. И тогда некто удалился восвояси.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Кто же это был?

ТРАКТИРЩИК. Ты проиграешь, Девушка, и на сей раз проиграешь.

ДЕВУШКА (*разочарованно*). Неужели ты не вспомнишь? Ты же хочешь вернуться, правда? Так куда же ты подевал тот свой кисет с воспоминаниями? Края у него были вышиты золотыми нитями, а снаружи пестрым бисером разукрашены забавными узорами. Кисет лежал в твоём левом нагрудном кармане. Когда ты уезжал, то и дело нащупывал его, проверял, не забыл ли часом или не потерял ли. А тем, кто остался, показалось, что у тебя побаливает сердце, поэтому прижимаешь к нему руку. А может, оно и вправду болело?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не было у меня никакого кисета, ты что-то путаешь.

ДЕВУШКА. Ничего я не путаю. Ты не имеешь права забывать. Вот уже который раз я тайком прихожу сюда, скрываюсь от сторожей, сливаюсь с кустами и деревьями. Крадусь, прячу следы в земле, дыхание – в ветре. Ты спрашиваешь, как там город? Все вы уехавшие не сумели сберечь на чужбине свои кисеты воспоминаний, и всякий раз, когда грохочет первый майский гром, на головы оставшихся сыплются изношенные кисеты, потускневший бисер, обрывки золотых нитей... *(Другим тоном.)* Пойду я, поздно уже. Трактирщик, ты был прав. Уже в который раз! Наверное пора уже смириться. *(Подходит, обнимает Трактирщика.)* Каждый раз ты смеешься надо мной... Считаешь меня безнадежно неисправимой. *(Словно сообщает ему тайну.)* Я больше не приду. Ты прав: не имеет смысла. ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(Девушке)*. Не понимаю, что все это значит? Может, все-таки останешься?.. Я расскажу тебе о далеких краях. *(Другим тоном.)* Что сейчас на месте моего дома?

ТРАКТИРЩИК. А ты сам догадайся.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Попытаюсь... Высотное здание, может, школа. Или храм... Нет?.. Или же улица... Зеленый сквер или парк...

ДЕВУШКА *(страшно уставшая)*. Пустырь, одинокий, высохший пустырь. Ничего другого и не могло быть там, где поселился этот некто. Недалеко отсюда вокзал, отправляйся туда.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(Девушке)*. Не смей! Приходи сюда, слышишь. Пусть издеваются, недоумевают... Не обращай внимания. Если не придешь, некому будет вспомнить о шитых золотом кисетах всех уехавших.

ДЕВУШКА. Знаешь, Трактирщик, в городе одни только пустыри.

ТРАКТИРЩИК. Неужели кроме пустырей ничего другого в городе не осталось?

Д е в у ш к а молча уходит.

Возвращенец, Трактирщик.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Кто она?

ТРАКТИРЩИК. Твоя дочь, жена, любовница... Откуда мне знать, кем бы стала она для тебя, если б не покинул ты город? Она именно об этом и пришла сказать тебе.
 ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Да-а... рассказала сказки... *(неожиданно выбегает из трактира)*.

Чуть погодя В о з в р а щ е н е ц входит и устало опускается на стул.

Ее и след простыл. Я обшарил каждую пядь земли, в надежде нащупать ее следы. Я распахнулся перед ветром, чтоб уловить ее дыхание. Но земля онемела, а ветер был зол. Я обессилено лег на землю и уставился в небо. Знаешь, Трактирщик, а звезды ни на йоту не сдвинулись с места.

ТРАКТИРЩИК. Но это не значит, что ночь заблудилась и замерла.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Есть надежда, что будет рассвет.

ТРАКТИРЩИК. Если хорошенько подумать, то рассвет тебе и не нужен.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я ничего не хочу слышать! И не потому, что устал. Бывает и похлеще. Я не хочу вас понимать. Не хочу вникать в ожидания оставшихся, бессмысленно глазеть на пустынные, ничего не обещающие дороги. Чего вы добиваетесь своими сказками и упреками. А вы не боитесь, что я тоже могу предъявить вам счет за свой отъезд? Почему вы думаете, что легче было уехать, нежели со слепым упрямством вцепиться в тени города, боящегося завтрашнего дня? А-а, молчишь, Трактирщик...

ТРАКТИРЩИК. Несколько раз в году я встречаю тебя, чтобы через несколько часов снова проводить. Почему ты думаешь, что каждый раз я должен отвечать на один и тот же твой вопрос?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ошибаешься, я здесь впервые после отъезда.

ТРАКТИРЩИК. Все вы говорите одно и то же, но потом наступает рассвет, и вас снова влечет туда, за горизонт. В этот день бывает затмение – солнца, луны, звезд, и город погружается в беспросветный, вязкий мрак, до тех пор, пока по Особому приказу Вышестоящей инстанции твой отъезд квалифицируется как чрезвычайно важная необходимость и считается недействительным. Вспомни-ка, сколько раз мы спрашиваем друг друга и отвечаем на один и тот же вопрос.

Возвращенец, Трактирщик, С л у ж а щ и й, С е к р е т а р ь.

Входит С е к р е т а р ь и кладет на стол папку, печать, какой-то сверток.

Поднимает с места Возвращенца, забирает его стул и вытирает тряпкой,
которую вынимает из кармана.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ (*ошарашено обращается к Трактирщику*). Разве это не те самые военные, которые только что были здесь?

ТРАКТИРЩИК. Они же в другой одежде.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Одежда – другая, но лица... те же. (*Заговорщицки.*) Это же они?

ТРАКТИРЩИК. Вовсе нет. Ты с непривычки не различаешь. Ну а сходство... так ведь полуденное затмение как-то должно отразиться хотя бы на лицах.

СЕКРЕТАРЬ (*недовольно*). Надоело все. У этих возвращенцев совсем нет воображения – каждый раз та же история: стулья, на которых они сидят, покрываются серебристой липкой пылью, и я постоянно вынужден чистить стул, но бесполезно. Пыльца липнет к моей одежде, цветы в комнате никнут и осыпаются, занавески беспокойно развеваются, не дают поспать. Я же госслужащий и требую почтительного отношения к своей персоне и работе.

СЛУЖАЩИЙ. Прекрати ворчать! За эти мелкие неудобства ты получаешь дополнительную плату и два выходных дня. Что тебе еще нужно?

СЕКРЕТАРЬ. А то, что я несколько ночей подряд вижу кошмары: безлюдные улицы, окаймленные невидимыми столбами, странные дожди из бисера и золотистых нитей...

СЛУЖАЩИЙ. Хватит! Это твой кошмар, не дави на психику. (*Официально.*) Прошу прощения. Давайте перейдем к делу. Трактирщик, сколько раз я предупреждал тебя: незамедлительно сообщай о лицах, покинувших город ночью.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Кроме ваших людей, никто сюда больше не приходил.

СЛУЖАЩИЙ. Ты усугубил свое положение этой ложью. Трактирщик, ты же знаешь, что будешь наказан за провинность?

ТРАКТИРЩИК. Вы каждый раз наказывали, а затем аннулировали наказание, потому что никто, кроме меня, не соглашается тут работать.

СЛУЖАЩИЙ. Поэтому ты пренебрегаешь инструкцией? Мы это обсудим без свидетелей. Возвращенец, Девушка договорилась с тобой?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. О чем?

СЛУЖАЩИЙ. О встрече.

ТРАКТИРЩИК. Они не договаривались.

СЛУЖАЩИЙ. Наконец ты вспомнил о своих обязанностях (*Возвращенцу.*) Почему не договорились?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я так и не понял, почему она появилась и почему исчезла. Я долго ее искал... не нашел.

СЛУЖАЩИЙ. Ну что ж, выходит, дела идут не так уж плохо.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Для кого?

СЛУЖАЩИЙ. Для кого как... Если и дальше так пойдет, мы расстанемся мирно и полюбовно.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Мне теперь все равно. За эти несколько часов я понял, что вопросы задавать не стоит.

СЛУЖАЩИЙ. Молодец! Очень вовремя понял, потому что вопросы сейчас задавать буду я. Быстренько ответишь – и ты свободен.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ну, хватит! Не хочу ничего слышать! Я вернусь в город, и никто, слышишь ты, самодовольное пугало, никто меня больше не остановит.

СЛУЖАЩИЙ. Да ради бога, иди куда хочешь: в город, на вокзал – никто тебя не держит. Раз у тебя пошаливают нервишки, то и сиди дома, чего бродяжничаешь? А еще и оскорбляет... (*Передразнивает.*) «Самодовольное пугало...»

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Извини... За эти несколько часов мне только и запрещают входить в город, так что сорвалось...

СЛУЖАЩИЙ (*продолжает обижаться*). Всех и вся подозреваешь, оскорбляешь направо и налево.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я... я...

СЛУЖАЩИЙ (*громко подсказывает*). Скажи, что больше не будешь.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я... больше не буду.

СЛУЖАЩИЙ. Ладно, забудем. Секретарь!

СЕКРЕТАРЬ. Весеннее равноденствие. Полночь. Звезды замерли. Дороги свободны от невидимых столбов. Город погружен в безмятежный сон. Девушка... *(искоса смотрит на Возвращенца)*. Девушку поглотило дерево. Горизонт *(снова смотрит на Возвращенца)* ждет его...

СЛУЖАЩИЙ. Надеюсь, ты доволен такой информацией. А теперь скажи, как ты войдешь в город?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Через боковую дверцу у ворот.

СЛУЖАЩИЙ. Она замурована.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я с детства любил ею пользоваться.

СЛУЖАЩИЙ. Хорошо. А когда ее замуровали?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Через один день, месяц, год после моего отбытия. Но разве это так важно?

ТРАКТИРЩИК. Последнее предложение не следовало говорить.

СЛУЖАЩИЙ. Трактирщик!.. А когда ворота откроются?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. После рассвета – через час, сорок минут...

СЛУЖАЩИЙ *(громко подсказывает)*. Пятнадцать секунд.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Пятнадцать... Нет, ворота откроются на рассвете.

ТРАКТИРЩИК. Молодец!

СЛУЖАЩИЙ. Трактирщик! Какие люди самые удивительные?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Музыканты. Они всего из семи нот сочиняют песни.

СЛУЖАЩИЙ. А где твои вещи: чемодан, сумка?..

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Ни один чемодан не выдержит эту ношу. Она под силу только мне, но тебе этого не понять, добрый человек.

СЛУЖАЩИЙ. Опять – оскорбление!.. Почему ты смолчал, когда первый Военный брал твои отпечатки пальцев?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Город спал, не хотелось его будить.

СЛУЖАЩИЙ. Како-ой ты до-обренький! А почему не попытался проникнуть в город? Сторожу положено запрещать вход, но ты-то? Ты почему не постучал в ворота, не занялся дверцей?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Хотелось незаметно войти в город... Тебе и этого не понять, честный человек.

СЛУЖАЩИЙ. Опять – оскорбление?.. А если приютившееся в городе ожидание все вокруг покрыло плесенью и расшатывает его основы – кто в этом виноват?..

Ладно, не будем отвлекаться. Что стало с твоим домом?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. На его месте пустырь... Нет! Мой дом на месте, как и прежде. Только крыша чуть прохудилась и ставни притихли, но ничего страшного! И не беда, что в комнате развелась плесень, и затхлый запах. Я открою настежь двери, окна, и ветер с больших дорог освежит воздух...

СЛУЖАЩИЙ. На месте твоего дома пустырь. И там никогда не вырастут цветы, не прорастут корни деревьев... *(Деловито.)* Мы свои дела закончили. Ты свободен. *(Секретарь ставит печать на бумаге и отдает Возвращенцу.)* Мой долг напомнить, что вокзал находится в километре отсюда, а ворота откроются через час, сорок минут, пятнадцать секунд. *(Уходит.)*

Секретарь после недолгого колебания берет
со стола сверток, подходит к Возвращенцу.

СЕКРЕТАРЬ. Он лежал на дороге, недалеко от дерева. Я взял его тайком от Служащего... Это кисет. Я почему-то уверен, что он твой. Подтверди, что это так, и я уйду со спокойной душой. Ведь твой же?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ *(разглядывая кисет)*. Кто-то мне рассказывал... Ладно, пусть останется. Возьму, если мой, а нет, оставлю у Трактирщика.

С е к р е т а р ь кладет кисет на стол и уходит.

Возвращенец, Трактирщик.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Слышал, да? Я могу идти на юг, север, в город, на вокзал... Гляди, как звезды перемещаются с бешеной скоростью, пытаются наверстать упущенное время, на востоке заря занимается. Вот теперь верю: ночь закончилась.

ТРАКТИРЩИК. Ночь еще не миновала.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Хватит уже сомневаться... *(Возбужденно.)* Спасибо тебе, твоя помощь мне пригодилась. Как только вернусь в город, будем чаще видеться. Будем вспоминать эту ночь, Девушку... Что Секретарь говорил о ней?

ТРАКТИРЩИК. А ты, что, не расслышал?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Чуть какая-то... Будто она слилась с деревом. Ничего, вот ночь кончится, все встанет на свои места, как прежде, и будет все понятно.

ТРАКТИРЩИК. А ты оптимист...

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не смейся. Я встречу с Девушкой.

ТРАКТИРЩИК. Кисет валялся на дороге, недалеко от дерева.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Как же вы надоели! Что такое? Человек после долгого отсутствия всего лишь пытается вернуться. И он уверен: все, что он оставил, дожидается его: дом, улица, знакомые... *(Берет кисет, разглядывает. Далее его слова обращены к кисету.)* Уезжающий оставляет все в надежде, что когда вернется, это все его дождется. Лишь в последний миг он осознает, что вокруг все изменилось. Поубавились знакомые лица, нет родных. Затем он сталкивается с отчуждением, обнаруживает замурованной любимую с детства дверцу, а ворота – на запоре. В своем доме обнаруживает поселившееся отчаяние. Новые инструкции и приказы пилой пройдутся по душе, а ты не вправе будешь не только в открытую протестовать, но даже мысленно возмущаться, потому что ты не хозяин города, который жил без тебя в твое отсутствие. Остается только смириться с ролью гостя в собственном доме и на каждом шагу ощущать под ногами зыбкую почву...

Пьяница привстает, молча и незаметно слушает.

Что значит – вернуться? Ведь в любой ночи притаилась былая тоска и зов новых дорог. Они так переплелись, что постоянно терзаешься, задаваясь одним и тем же вопросом: какой-токой сукин сын или что за сукины дети взяли на себя вину твоих скитаний? Знаешь, что я тебе скажу, Трактирщик, когда по своей воле отправляешься в путь, то ты сам себе хозяин. А ежели вынужденно, то тебе уготована судьба раба.

ТРАКТИРЩИК. Если вернешься в город, возможно, Девушка встретит тебя у ворот.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Согласно инструкции Служащего, у ворот меня будет ждать Сторож, а потом – пустырь.

ТРАКТИРЩИК. А что ты хотел, раз это и осталось в городе?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Я же его покинул. Кто-нибудь, когда-нибудь попытается найти ответ, почему мы уехали? Почему нас до этого довели?

ТРАКТИРЩИК. Найти ответ или виновника?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Мне уже все равно... Светает.

ТРАКТИРЩИК. Выпьешь на дорожку?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. А зачем?

ПЬЯНИЦА. И то верно – зачем? А я сегодня опять напьюсь, слышишь, Трактирщик? Напьюсь, как собака.

ТРАКТИРЩИК. А как же кисет?

ВОЗВРАЩЕНЕЦ. Не помню: то ли положил в карман, то ли на столе оставил.

(Уходит.)

Трактирщик, Пьяница.

ТРАКТИРЩИК. Ушел...

ПЬЯНИЦА. Остался...

ТРАКТИРЩИК. Взял кисет.

ПЬЯНИЦА. Оставил кисет.

ТРАКТИРЩИК. Да какое это имеет значение. Схожу за бутылкой. Ты будешь пить, я буду смотреть. Еще день скоротаем.

ПЬЯНИЦА. Послушай, а не вернуться ли мне в город?

ТРАКТИРЩИК. Какой смысл?

ПЬЯНИЦА. Не знаю...

Пьяница натягивает на себя одеяло и поворачивается к стенке. Трактирщик садится у камина и неотрывно смотрит на языки пламени. В трактире закончилась еще одна долгая ночь.

ГОРОД

Пьеса вторая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Секретарь.

Пекарь.

Женщина.

Звонарь.

Юродивый.

Антиквар.

Танцовщица.

Пьяница.

Девочка.

Слуга-Чужестранец.

Писарь.

Начинает светать. Улица. Едва вырисовываются очертания домов. Вдалеке закрытые ворота.

Секретарь, Пекарь.

Секретарь достает из кармана платок, тщательно вытирает руки, каждый палец в отдельности. Он настолько увлекся, что не заметил приближения Пекаря.

ПЕКАРЬ. Что, опять страдаешь бессонницей?

СЕКРЕТАРЬ (*встрепенувшись от неожиданности, засовывает платок в карман*). А это опять ты?

ПЕКАРЬ. Кого же еще ты хотел встретить? В такой час один я бодрствую. Когда все проснется, я усну. Так у тебя опять бессонница?

СЕКРЕТАРЬ. Вроде того. Дай, думаю, прогуляюсь немного, может, усну.

ПЕКАРЬ. Что ж, неплохое объяснение, как и постоянные встречи с тобой на этой улице.

СЕКРЕТАРЬ. Где-то ж меня надо встретить.

ПЕКАРЬ. Да, но в конце этой улицы – ворота.

СЕКРЕТАРЬ. Твоя пекарня далеко отсюда, но я только здесь встречаюсь с тобой.

ПЕКАРЬ. Где-то ж надо со мной встретиться.

СЕКРЕТАРЬ. Это не важно. Скажи-ка, а сегодняшний хлеб вкусный?

ПЕКАРЬ. Покушаешь – узнаешь.

СЕКРЕТАРЬ. Ты хороший хлеб выпекаешь.

ПЕКАРЬ. Хотя я и не пекарь.

СЕКРЕТАРЬ. Ни с того, ни сего взял и стал пекарем?

ПЕКАРЬ. Пекарь один из первых выехал из города. Когда он проходил по нашей улице, то внимательно посмотрел на меня. До сих пор помню его взгляд... и его руку, которую он то и дело подносил к сердцу. После его отъезда город остался без хлеба. Вышестоящая инстанция объявила конкурс на вакансию пекаря.

Желающих не оказалось. Составили список, по которому каждый по очереди должен был выпекать хлеб. И было время, когда городу осточертел невыпеченный, подгоревший хлеб. Наконец очередь дошла и до меня. Я надел белый халат и подошел к корыту с тестом. Какой из меня пекарь, подумал я, кину в печку пару караваев и уйду, займусь своими делами. Я так бы и поступил, если бы не вспомнил взгляд и руку у сердца пекаря. Я замесил, слепил первый колобок, и тесто неожиданно затрепетало в моих руках, словно сердце. Потом слепил второй колобок, третий... и все остальные, пока тесто не закончилось. Я еще не поместил их в печку, а уже знал, что хлеб получится на славу. В ту самую минуту я и забыл свою прежнюю профессию.

СЕКРЕТАРЬ. До сих пор колобки трепещут в твоих руках?

ПЕКАРЬ. Да. Правда, они изредка...

СЕКРЕТАРЬ (*осторожно*). Это «изредка» должно быть.

ПЕКАРЬ. Нет, вовсе не должно! У теста есть пульс. И долгие ночи заставляют тесто томиться.

СЕКРЕТАРЬ (*упрямо*). В городе все ночи одинаковы.

ПЕКАРЬ. Когда ночь теряется, то у теста исчезает пульс. Эта ночь длиннее обычного.

СЕКРЕТАРЬ. Ночь была обычной, и вкус у сегодняшнего хлеба тоже будет обычный.

ПЕКАРЬ (*уверенно*). Ночь была длиннее обычного. (*Враждебно.*) Почему ты спрятал платок? Выкинь его в арык. Ты же вытирал руки от серебристой пыльцы?

СЕКРЕТАРЬ (*сквозь зубы*). Тебе было сказано...

ПЕКАРЬ. Ладно, пока я помню тот взгляд пекаря. Но ведь может наступить такой день, когда я его забуду.

СЕКРЕТАРЬ (*нагло*). Не забудешь! Чтоб забыть, надо обладать хорошей памятью.

ПЕКАРЬ. Как только вспомню, кем я был прежде, забуду его взгляд.

СЕКРЕТАРЬ. Не вспомнишь! Чтобы вспомнить, надо уметь забывать. (*Властно.*)

Была обычная ночь. Повтори!

ПЕКАРЬ. Повторил.

СЕКРЕТАРЬ. Ступай поспи. Городу нужен пекарь.

ПЕКАРЬ (*вторит словно эхо*). Пекарю нужен город.

СЕКРЕТАРЬ (*достаёт из кармана платок, тщательно протирает пальцы и засовывает платок в карман Пекарю*). Выкинешь в арык. И руки вымоешь. (*Сунув руки в брюки, фальшиво насвистывая, удаляется.*)

ПЕКАРЬ. Знаешь, сколько твоих платков набралось у меня?

СЕКРЕТАРЬ (*не оборачиваясь*). Столько, сколько было длинных ночей. Ты их береги. Могут пригодиться.

ПЕКАРЬ (*усмехаясь*). Кому – тебе или мне?

СЕКРЕТАРЬ. Тесту с исчезающим пульсом.

Улица. У дома сидит Ж е н щ и н а и вяжет длинный пояс.

ЖЕНЩИНА (*вполголоса*). Пояс только в моей фантазии получается многоцветным. А так он – блеклый. Продавец шерсти божился, что нитки из нее хорошо закрашиваются. Куда там! Попадись он мне, заставлю, чтоб сам и выкрасил нитки. Какие только краски я не перепробовала для этого проклятого клубка. Все без толку... Все те же бесцветные нитки. (*Встрепенувшись.*) Что-то я опять стала заговариваться. Помилуй, Господи. Может, я схожу с ума?.. Нет, раз еще сомневаюсь, значит, пока в здравом уме. Значит, я должна помнить, что мне нужно постоянно сомневаться...

Женщина, З в о н а р ь.

ЗВОНАРЬ. Я принес, что ты просила. Мне сказали, краска хорошая.

ЖЕНЩИНА. Спасибо, и что б я без тебя делала... В прошлый раз краска тоже была совсем никудышная, но...

ЗВОНАРЬ. И как ты не устаешь? Вяжешь пояс, потом разматываешь, снова вяжешь и разматываешь... Неужели не надоело?

ЖЕНЩИНА. У каждой нити свой цвет, только мы его не находим.

ЗВОНАРЬ. Мудрено говоришь. Мое дело – принести краску. (*Другим тоном.*) Ладони начинают гореть.

ЖЕНЩИНА (*смотрит исподлобья и продолжает вязать*). Наверное у тебя несварение желудка. Зря вчера поел на ночь.

ЗВОНАРЬ. Какое же несварение от обычного хлеба.

ЖЕНЩИНА. Не выспался, значит. Плохо спал ночью.

ЗВОНАРЬ. Не строй из себя гадалку.

ЖЕНЩИНА (*поднимается и стискивает ладони Звонаря в своих руках*). Твои ладони не горят.

ЗВОНАРЬ (*беспомощно*). Да, надо бы подставить их ветру.

ЖЕНЩИНА. Не поможет! Твои ладони не горят.

ЗВОНАРЬ. Ну да... Надо бы погрузить их в воду.

ЖЕНЩИНА. Не поможет!. Твои ладони не горят.

ЗВОНАРЬ *(смирившись)*. Мои ладони не горят.

ЖЕНЩИНА *(пристально глядя на него)*. С каким удовольствием я отрубила бы кисти твоих рук, медленно, растягивая твои муки... А потом насыпала бы горячим пеплом, чтоб ты рычал от боли.

ЗВОНАРЬ *(осторожно высвобождает руки, гладит лицо Женщины)*. Чьи же руки будут любить тебя?

ЖЕНЩИНА *(поникившим голосом)*. Прошу тебя, не выходи сегодня из дома.

ЗВОНАРЬ. Кто же в полдень будет бить в колокола над городской управой?

ЖЕНЩИНА *(кричит)*. К черту колокола! *(Шепотом.)* Ты же знаешь, что в полдень...

ЗВОНАРЬ *(ладонью закрывает Женщине рот)*. Еще ничего не ясно.

ЖЕНЩИНА. Пожалуйста, не ходи, эта ночь была очень длинной.

ЗВОНАРЬ. Тебе показалось. Вспомни, ты же была в моих объятиях...

ЖЕНЩИНА. Ты был в моих объятиях. Но ночь была длинной.

ЗВОНАРЬ. Тебе показалось. Забыла, какие слова я нашептывал тебе ночью?

ЖЕНЩИНА. Никогда еще я не любила тебя так, но ночь все же была такой долгой!.. *(Тяжелым шагом подходит к стулу, садится и начинает разматывать пояс.)*

Те же и Ю р о д и в ы й.

ЮРОДИВЫЙ *(с самим собой)*. Говорят, мол, совсем не смешно. Какой уж смех, у них печаль стала за деньги. *(Подойдя к Женщине.)* Пояс предназначался мне? Ну, конечно. Это вам нужен готовый вязанный пояс, а мне – развязанный. Распустишь последнюю петлю – отдай мне.

ЗВОНАРЬ. Что отдать – несуществующий пояс?

ЮРОДИВЫЙ. О-очень ты понимаешь... Разве можно не повеситься с распущенным поясом? То-то же, брат. *(Берет у Женщины клубок и начинает*

наматывать нить.) Такие, как я, вешаются каждый день. Вам подобные – никогда, от силы один разочек. Вашу одноразовость видят все, а нас, ежедневных висельников, не видит никто.

ЖЕНЩИНА (*отбирая клубок*). Какие новости в городе?

ЮРОДИВЫЙ (*отбирая клубок*). Были похороны. Издалека привезли. М-м-м-м... Искателя. Хи-хи-хи... Да не его привезли, а то, что от него осталось... если вообще что-то осталось.

ЗВОНАРЬ. А разве гроб был пустой?

ЮРОДИВЫЙ. Если в гробу есть покойник, это еще не значит, что он не пустой.

ЖЕНЩИНА. Не ерничай, все там будем.

ЮРОДИВЫЙ. Но себя похоронить, нет, не позволю. Кто ежедневно вешается, тот в гробу не нуждается.

ЖЕНЩИНА (*отбирая клубок*). Выкладывай новости. Твоя жизнь никого не интересуется.

ЮРОДИВЫЙ. Отдай клубок – расскажу. (*Получив клубок, довольный, продолжает.*) Никто его не помнил. Даже я. Когда пришла телеграмма, все удивились: кто он? Служащий перерыл весь архив и обнаружил, что жил в городе некто, кого потом прозвали Искатель.

ЗВОНАРЬ (*будто рассказывает своим горящим рукам*). В годовалом возрасте он осиротел. Воспитывал его дядя – брат отца. Ему еще не исполнилось и шестнадцати, когда дядя скончался, оставив ему богатое наследство. Через несколько дней он покинул город. Говорили, он взял с собой только одно треснувшее зеркало. И больше ничего.

ЮРОДИВЫЙ. А ты хорошо знаешь его историю. К тебе надо было прийти, а не выпытывать у Служащего. Одним словом, вчера этого Искателя и хоронили.

ЖЕНЩИНА (*сама с собой*). Все богатство просадил на дорожные расходы. Искал он...

ЮРОДИВЫЙ. Чего же такое он искал, да так и не нашел?

ЗВОНАРЬ. Нашел. В каждой стране, на каждой новой дороге.

ЮРОДИВЫЙ. И что искал?

ЖЕНЩИНА. Солнце он искал. Только солнце. Холод вселился в него, он постоянно мерз. И он шел за солнцем. Его согревало лишь летнее солнце. Он специально держал слугу, который на несколько месяцев вперед планировал, когда, в какой стране будет летнее солнце.

ЮРОДИВЫЙ. Я бы хотел быть тем слугой.

ЗВОНАРЬ. Есть еще нечто посложнее, чем ежедневно вешаться – это ежедневно поставлять летнее солнце.

ЖЕНЩИНА (*не слушая их*). Для парня ничем не отличались ни страны, ни небеса – он шел за своим солнцем.

ЮРОДИВЫЙ. Дороги ни разу не привели его в наш город?

ЗВОНАРЬ. Всякий раз, накануне его появления погода менялась, и слуга в последний момент менял маршрут. Однажды только он просчитался, и Искатель чуть было не прибыл осенью. С того дня наш город был вычеркнут из его маршрута.

ЖЕНЩИНА. Ему и в голову не приходило, что кроме солнца еще что-нибудь могло бы его согреть.

ЮРОДИВЫЙ. Да-а, не хотел бы я быть на его месте.

ЗВОНАРЬ. Поэтому вчера похоронили его, а ты сегодня несешь околесицу.

ЖЕНЩИНА (*отрешенно*). Смерть вовремя подоспела, богатство Искателя уже иссякло. Последние несколько золотых он отдал Слуге и попросил похоронить его где-нибудь. Но только под летним солнцем. Однажды, летней ночью, Искатель скончался. Утром в городе пошел снег. Никто не знал, когда же растает этот непрошенный снег. Слуга перевез тело Искателя в страну, где было лето. Они добрались ночью, а с утра полил мутный дождь, и никто не знал, когда же он прекратиться. Вот так началось путешествие Слуги и гроба. Где бы они ни появлялись, солнце умирало. Гроб стал покрываться инеем, а потом заледенел. У поселившегося в Искателе холода пробил наконец-то час ликования.

ЮРОДИВЫЙ. Ну, нет худа без добра, лед не даст трупу разложиться.

ЖЕНЩИНА (*не слыша*). Слуга давно потратил золотые, он изнемог, кости да кожа остались. Но он продолжал поиски того последнего солнца, которое обещал

Искателю. Однажды он сидел на одном из вокзалов, отчаявшийся и обессиленный, когда к нему подошла продавщица цветов и положила на гроб цветок. Лед начал таять. Обезумевший почти слуга кинулся умолять женщину, чтоб та сказала, откуда этот цветок. Женщина назвала наш город. *(Словно очнувшись.)* Опять я заговорила. Может, я схожу с ума?.. Нет, раз еще сомневаюсь, значит, пока в здравом уме. Значит, я должна помнить, что мне нужно постоянно сомневаться...

Ее слова переходят постепенно в бессвязный шепот.

ЗВОНАРЬ. Вчера очень жаркий выдался день. Солнце даже в июле так не жжет. ЮРОДИВЫЙ *(отшвырнув клубок, возмущенно)*. Ненавижу! Ненавижу, не-на-ви-жу! Этот так называемый Искатель отрекся от города, а когда пробил час расплаты, когда город должен был его наказать... Но мы, видите ли, не злопамятные, мы умеем прощать... Мы отдадим ему последнее солнце. Мне противно великодушие тех, кем пренебрегли. Принял ли город Искателя? Надо же – Искатель! Город получил обледеневший гроб – большего город и не заслужил.

ЗВОНАРЬ. Наше дело – обеспечить летнее солнце.

ЮРОДИВЫЙ. За счет длинных ночей?

ЖЕНЩИНА. Замолчи!

ЮРОДИВЫЙ. Вчерашнее солнце было совсем другим, оно пыталось согреть одного человека. Всего лишь одного, понимаете?

ЖЕНЩИНА *(отдает клубок Юродивому)*. Наматывай нить – немного осталось.

Почему ты ему завидуешь?

ЮРОДИВЫЙ. Еще чего – завидовать покойнику.

ЖЕНЩИНА. Вчера должно было быть летнее солнце, в противном случае...

Понимаешь, и без того ворота открываются только наружу.

ЮРОДИВЫЙ. Но они открылись вовнутрь перед гробом.

ЖЕНЩИНА. Это тоже возвращение. Пусть за счет долгих ночей.

ЮРОДИВЫЙ *(в ярости)*. Как-нибудь ночью я разорю его могилу, от нее и следа не останется!

ЗВОНАРЬ. Вокруг могилы не прибрались. Возьми лопату, ступай наведи там порядок., как положено.

ЮРОДИВЫЙ (*сникнув*). Почему вы хотите, чтоб я походил на вас?

ЗВОНАРЬ. Все уехавшие из города похожи друг на друга. Все остающиеся похожи друг на друга. Разве ты не знал?

ЮРОДИВЫЙ (*разыгрывая беспечность*). Очень мне надо! Сумел же я убедить вас, что я – придурок. Дело за малым – убедить самого себя.

ЗВОНАРЬ. Ты стоял поближе к гробу. О чем шептал Слуга?

ЮРОДИВЫЙ. Я не разобрал.

ЖЕНЩИНА. Я знаю.

ЮРОДИВЫЙ. Но тебя же там не было.

ЖЕНЩИНА. Он повторял: «Солнце его не любило».

Ю р о д и в ы й передает клубок Женщине и понуро уходит.

Когда же наконец я разорву клубок на кусочки и выкину его!

ЗВОНАРЬ. Краска на сей раз синяя.

ЖЕНЩИНА. Глядишь, на сей раз выкрасится... Заходи в дом. Погрузишь руки в краску, может, пройдет жжение.

ЗВОНАРЬ (*шепотом*). Как ты думаешь, Возвращенец уже в городе?

ЖЕНЩИНА. Потерпи до полудня.

ЗВОНАРЬ. Потерпе-е-еть... Вербки изнасились.

ЖЕНЩИНА. Что?!.

ЗВОНАРЬ. Колокольные веревки, говорю, изнасились.

Т е ж е и С е к р е т а р ь.

СЕКРЕТАРЬ. Доброе утро. Звонарь, а веревки изнасились.

ЗВОНАРЬ. Что?!.

СЕКРЕТАРЬ. Почему не обращаешься в Вышестоящую инстанцию, чтоб получить новые?

ЗВОНАРЬ (*со скрытой неприязнью*). Не твоя забота.

СЕКРЕТАРЬ. Ошибаешься. Думаешь, не знаю, что с изношенными веревками у колоколов другой звон?

ЗВОНАРЬ. Ночь была долгой. *(Показывая на замершую у двери Женщину.)* Но вот она говорит, что мне показалось. А раз показалось, то значит, веревки не могли изнашиваться.

СЕКРЕТАРЬ *(угрожающе)*. Я говорю – изнашивались.

ЗВОНАРЬ *(миролюбиво)*. Значит, ночь была долгой.

СЕКРЕТАРЬ. Говорю – обычная была ночь.

ЗВОНАРЬ *(еще миролюбивее)*. Ну, тогда веревки колоколов новые.

СЕКРЕТАРЬ. Что ты хочешь?

ЗВОНАРЬ. Не буду больше менять веревки.

СЕКРЕТАРЬ. Вместе с ними сорвешься головой вниз. Чтоб в полдень был в городской управе!

ЖЕНЩИНА. Он сегодня не выйдет из дома.

ЗВОНАРЬ. Я сегодня не выйду из дома.

СЕКРЕТАРЬ. Даже если Возвращенец будет в городе? *(Вытирает руки, всучивает клубок Звонарю и, фальшиво насвистывая, удаляется.)*

Антикварная лавка. Из ее глубины выходит А н т и к в а р,
в руках у него треснувшее зеркало.

АНТИКВАР. ... надо только подогреть. Обрамление медное, но с хорошей отделкой. На рынке каждые десять–пятнадцать лет возникает спрос на такие вещицы. Они хорошо продаются. Надо только уметь ждать. Правильное выжидание определяет цену всему. *(Разглядывает зеркало.)* Не очень повредилось. Когда иней растает, отражение станет отличным. *(Паром изо рта хочет растопить иней.)* Гляди-ка, а иней сгустился. Необходимо солнце. Как назло солнце сбежало из города.

Он же и Танцовщица.

АНТИКВАР *(не глядя в ее сторону)*. Зря ты пришла. Я же говорил, твой товар еще не поступил.

ТАНЦОВЩИЦА. Как, не глядя, ты догадался, кто пришел?

АНТИКВАР. А на что даны уши?

ТАНЦОВЩИЦА. Чтобы слышать.

АНТИКВАР. Вот я и услышал.

ТАНЦОВЩИЦА. У тебя вино не найдется? *(Выделяет танцевальное па.)*

АНТИКВАР *(глядя искоса)*. Опять всю ночь плясала?

ТАНЦОВЩИЦА *(движения становятся завораживающими)*. Плясала!

АНТИКВАР. Там же?

ТАНЦОВЩИЦА *(начинает извиваться)*. Там же!

АНТИКВАР *(сухо)*. Вот там бы и выпила.

ТАНЦОВЩИЦА *(беспомощно опускает руки, напоминает чучело)*. Не начинай!

Подавься своим вином! *(После паузы.)* Что это у тебя?

АНТИКВАР. Зеркало.

ТАНЦОВЩИЦА. Искателя?

АНТИКВАР. Было его. Теперь – мое. Слуга принес. Сказал: последняя воля

Искателя. Растоплю иней, спрячу в ящик – пусть себе дожидается.

ТАНЦОВЩИЦА. Дай поглядеть.

АНТИКВАР *(грубо)*. Не подходи! Вино в буфете.

Танцовщица наливает вино в два бокала, один протягивает Антиквару.

Какая погода на улице?

ТАНЦОВЩИЦА. Пасмурно.

АНТИКВАР. А какая вчера поднялась буря! Такой разразился ураган, и это в середине весны.

ТАНЦОВЩИЦА. Где был ураган?

АНТИКВАР. В городе.

ТАНЦОВЩИЦА. А на кладбище светило летнее солнце. Участники похоронной процессии сняли головные уборы, а потом пальто, и все, что на них было. Но

солнце палило беспощадно. Люди загорели, так что у них кожа полезла. А я мерзла. Сама не знаю, как я там очутилась, и нетерпеливо ждала, когда траурная церемония завершится. И вот тут знаешь... Налей-ка вина... Я поняла, что он искал. Хочешь, смейся надо мной, но он искал меня. Я была бы счастлива с ним. И это он был виноват, что мой первый мужчина оказался случайным проходимцем, а все остальные – его жалкой копией. Его вина, что мой так и не родившийся малыш остался бродить по болотистой лужайке... И что по вечерам танцую для Вышестоящей инстанции. Я стареющая потрепанная танцовщица, и по вине Искателя так и не стала любящей женщиной. Я возненавидела его, но когда гроб с его телом опустили в могилу, уже простила его. Прослезилась... и в эту самую минуту лед на гробе стал оттаивать.

АНТИКВАР *(после паузы)*. На, возьми... Ты искала его.

ТАНЦОВЩИЦА *(беря зеркало)*. Буду смотреть в него долгими ночами, увижу, как на моем лице прорисовываются все дороги на свете. Больше не буду бояться морщин. *(Медленно идет у двери.)* Вряд ли я еще приду. Счастливо оставаться. После полудня закрой лавку. Перед затмением животным завязывают глаза, чтобы не обезумели...

АНТИКВАР. Кто – животные?

ТАНЦОВЩИЦА. Нет, люди. *(Уходит.)*

АНТИКВАР. А я-то думал у зеркала есть еще время в запасе. *(Глядя на ящички.)* У всех вещей здесь свои хозяева – умершие и пока еще живые. Те, кто еще живы, не любят сюда заходить, будто не знают, что все равно когда-нибудь придут ко мне. *(Начинает натирать до блеска ящички.)*

Антиквар и Пьяница.

ПЬЯНИЦА *(врываясь)*. Ну что, он пришел?

АНТИКВАР *(невозмутимо)*. Принесли.

ПЬЯНИЦА. То есть – как?

АНТИКВАР. А так – в гробу.

ПЬЯНИЦА. Возвращенца?

АНТИКВАР. Искателя.

ПЬЯНИЦА. Тьфу! Сукин ты сын, меня чуть было кондрашка нехватила.

АНТИКВАР. Алкоголь в твоём организме с любой кондрашкой справится.

ПЬЯНИЦА. Кто имеет дело с мертвыми вещами, у того и юмор такой же.

АНТИКВАР (*хитро*). Как знать, что в них хранится? Когда ты в последний раз был в городе? Месяц назад?

ПЬЯНИЦА. Десять лет назад.

АНТИКВАР. Как летит время!..

ПЬЯНИЦА. Жить с мертвыми вещами имеет же что-то положительное.

АНТИКВАР. И кого же ты ищешь в городе?

ПЬЯНИЦА. Кое с кем надо было встретиться. Я подумал, может, он к тебе заходил.

АНТИКВАР. Нет, он ко мне не заходил. Ну ты и нализался прошлой ночью!

ПЬЯНИЦА. Как обычно.

АНТИКВАР. Долгие ночи не увеличивают количество пропущенных стаканчиков?

ПЬЯНИЦА. Да... давненько не было такой долгой ночи. Ну, ладно, не буду тебе мешать. Может, я найду его на пустыре.

АНТИКВАР. Послушай, Пьяница... Извини, забыл твоё имя. А почему ты его ищешь?

ПЬЯНИЦА. Да он кое-что забыл в трактире, ну, я и подумал: дай-ка верну ему.

АНТИКВАР (*с нескрываемой иронией*). Вон оно что! И поэтому ты после десяти лет, пяти месяцев и семнадцати дней отсутствия пожаловал в город? Тебе не кажется, что твоё появление после столь долгого отсутствия должно иметь более вескую причину? Город дожидается, из-за чего именно ты нарушишь границу, а ты мне заливаешь: кое-кто да кое-что забыл...

ПЬЯНИЦА (*сдавшись*). Возвращенец должен быть в городе.

АНТИКВАР. Ты уверен, что это его кiset?

ПЬЯНИЦА. Все дорожные кisetы похожи.

АНТИКВАР (*с иронией*). Вот как? Войди в соседнюю комнату: с пола до потолка одни кисеты, и все – разные.

ПЬЯНИЦА. Этот кисет – его.

АНТИКВАР. Дай-то бог. Но у Звонаря уже жжет в ладонях.

ПЬЯНИЦА. Так он же не знает, что Возвращенец в городе.

АНТИКВАР. Веревки колоколов износились.

ПЬЯНИЦА (*понура*). Так ведь ночь была долгой.

АНТИКВАР. Вот теперь можешь идти. Все уже сказано.

ПЬЯНИЦА. Нет, еще не все сказано. В твоём закрытом ящичке меня ждут.

АНТИКВАР. Ты что-то перепутал. Никто тебя не ждет.

ПЬЯНИЦА. Это я жду, я пришел за ним.

АНТИКВАР. Ты спятил, что ли? До сих пор...

ПЬЯНИЦА. Не важно, что было до сих пор. Я жду его – моего последнего дня.

Вернусь через пару часов.

В дверях сталкивается с Секретарем.

Те же и Секретарь.

СЕКРЕТАЬ (*Пьянице*). Сегодня твой последний день?

АНТИКВАР. Нет!

ПЬЯНИЦА. Да!

СЕКРЕТАЬ (*вдогонку Пьянице*). Не ходи на пустырь. Его там нет.

Пьяница сильно хлопает дверью.

И это вместо благодарности. Предупреждаешь, чтоб зря не терял время, а он перед носом дверью хлопает. Антиквар, у тебя лучшее вино в городе. Очень старое, да?

АНТИКВАР. Вино вчерашнее. Оно всего лишь впитало воспоминания этих вещей.

СЕКРЕТАЬ. Я пришел к тебе за зеркалом.

АНТИКВАР. Опоздал.

СЕКРЕТАЬ. Отдал Танцовщице. Эх ты!.. Отдать женщине зеркало, как минимум, неделикатно.

АНТИКВАР. Женщине надо дать зеркало. Только зеркало примиряет ее со старостью.

СЕКРЕТАЬ. С тобой бессмысленно спорить. *(Изменившимся тоном.)* Я принес вещи Девушки.

АНТИКВАР. Как же так? Ее последний день в закрытом ящике.

СЕКРЕТАЬ. Она слилась с деревом.

АНТИКВАР. Поди, не первый раз.

СЕКРЕТАЬ. На сей раз – последний.

АНТИКВАР *(кажется, сейчас вlepит пощечину Секретарю, но поворачивается к ящику)*. Много вещей?

СЕКРЕТАЬ. Нет, деревянная шкатулка с нитками, бисером, всякой всячиной...

АНТИКВАР. Что обо всем этом думает Вышестоящая инстанция?

СЕКРЕТАЬ. Зачем думать Вышестоящей инстанции?

АНТИКВАР. Как так? Это же их город, их горожане: Девушка, Пьяница, Возвращенец, Пекарь... Я, ты. Мы же городу принадлежим. Разве не так?

СЕКРЕТАЬ. Да.

АНТИКВАР. А кому принадлежит Вышестоящая инстанция?

СЕКРЕТАЬ. Она сама по себе. Она не имеет ничего общего с городом. Уже давно.

Издает приказы, запрещает и разрешает. Долгими ночами устраивает попойки.

Сам лучше меня знаешь, и Танцовщица... *(В истерическом крике.)* Оставьте в покое Вышестоящую инстанцию! Она давно отреклась от всех!

АНТИКВАР *(едва слышно)*. До полудня я закрою лавку.

СЕКРЕТАЬ *(успокоившись)*. Ну вот, еще один... Звонарь заявляет, что не поменяет веревки колоколов, ты свое заладил... Хватит, в конце концов! Чему быть – тому не миновать. Живите себе так, как и жили. Лавочка твоя не закроется, и колокола городской управы вовремя зазвенят.

АНТИКВАР. Ящики битком забиты. Вещи Девушки я кое-как туда засуну, а завтра как быть? Я закрою эту проклятую лавку!

СЕКРЕТАЬ. Чтоб закрыть, нужен ключ, а в городе нет ключей. После того как замуровали дверцу у ворот, все ключи исчезли.

АНТИКВАР. Но засов на воротах остался.

СЕКРЕТАЬ. Он должен был остаться. Танцовщица забрала зеркало? Значит, освободилось место.

АНТИКВАР. Это был единственный случай за последние годы.

СЕКРЕТАЬ. Потому что впервые за последнее время ворота открылись для встречи.

АНТИКВАР. Открылись перед гробом.

СЕКРЕТАЬ. Но и этого могло не случиться. Найди еще местечко в ящичках.

Звонарь не поменяет веревки на колоколах.

АНТИКВАР *(подходит к закрытому ящику, гладит его отполированную деревянную поверхность)*. Здесь последний день жителей города, и они ждали этого дня. А

теперь сами за ним приходят. Значит, город обречен?

СЕКРЕТАЬ. Ничего подобного. Просто-напросто обреченность города продолжается.

АНТИКВАР. После полудня я не закрою лавку.

СЕКРЕТАЬ. Почему?

АНТИКВАР. Для продолжения.

На площади Д е в о ч к а. Она растерянно озирается.

Из-за угла выходит С л у г а.

ДЕВОЧКА *(с надеждой)*. Может, вы мне поможете?

СЛУГА. Не только в этом городе, но и во всем мире больше всего в помощи нуждаюсь я. Но, выходит, что и я могу еще пригодиться.

ДЕВОЧКА. Вы не видели Девушку?

СЛУГА. А ты кто?

ДЕВОЧКА. Я – Девочка.

СЛУГА. Вы разные – Девушка и Девочка?

ДЕВОЧКА. Если с маленькой буквы, то нет. Но если написать с большой буквы, то это будут наши имена.

СЛУГА. Что за город у вас? И есть имена, и в то же время все вы безымянные. Как живете вы в такой неразберихе?

ДЕВОЧКА (*оскорблено*). Это наши дела. Я жду ответа.

СЛУГА. Как тебя зовут? Ах да, Девочка. Не видел я твою Девушку.

(*Заговорщицки.*) Быстро ночка промелькнула, а Девушка, наверное, все еще нежится в объятиях возлюбленного...

ДЕВОЧКА (*мягко*). Ты, чужестранец, ступай лучше отсюда.

СЛУГА. А если мне здесь нравится?

ДЕВОЧКА. Тебе же выгоднее раньше уйти.

СЛУГА. Это ты так решила?

ДЕВОЧКА. Решает твое зубоскальство.

СЛУГА. Ну, ладно, извини. Но если Девушка такая же красавица, как ты, то вряд ли я ошибаюсь.

ДЕВОЧКА (*подавшись вперед*). Может, помолчишь?

СЛУГА. Да я не только умолкну, но и поскорее унесу ноги из вашего морга живых.

Те же и Ю р о д и в ы й.

ЮРОДИВЫЙ (*приближаясь к ним*). А что, наш город тебе не понравился?

СЛУГА. С какой стати должен был понравиться? С вашими именами сам черт ногу сломит, к тому же все вы на одно лицо. И все психованные. Кого не встретил, все в ужасе ждут наступления полдня. Слава богу, до вокзала рукой подать. Да ну вас к лешему с вашим заброшенным городом. (*Удаляется, оглядываясь.*)

ЮРОДИВЫЙ. Слышь, чужестранец, а ты не подумал, что мог бы стать жителем нашего города?

СЛУГА. Я?

ЮРОДИВЫЙ (*коварно*). Как зовут тебя, помнишь?

СЛУГА. Меня?.. Как зовут? Я спятил, что ли, я имя свое забыл. Меня зовут...

ДЕВОЧКА. Его зовут Чужестранец.

ЮРОДИВЫЙ. А теперь можешь отправляться на вокзал. Но завтра в полдень должны зазвенеть колокола городской управы.

СЛУГА. Ну и что?

ЮРОДИВЫЙ. Ничего, городу нужен Звонарь.

С л у г а в ужасе убегает.

ДЕВОЧКА. Девушки до сих пор нет.

ЮРОДИВЫЙ (*уклончиво*). Может, еще вернется...

ДЕВОЧКА. Где она, не знаешь?

ЮРОДИВЫЙ (*решившись, говорит откровенно*). Да, знаю. Но тебе лучше не знать. Не вмешивайся ты во все это. Ты молодая, красивая, у тебя будут чудные ночи, а не ночи ожидания. Не задавай никому вопросов, ступай к себе домой, распахни окна и двери, проветри комнаты и начни плести кружева для своего приданного.

ДЕВОЧКА. Над такой речью любого другого я бы посмеялась, но Юродивого послушаюсь. Пойду плести кружева для приданного. (*Уходит, с полпути возвращается.*) Раз ты все знаешь, скажи, как мне найти принца?

ЮРОДИВЫЙ. Разве мало других людей в городе?

ДЕВОЧКА. Люди-то есть, а где принц?

ЮРОДИВЫЙ. Это так важно?

ДЕВОЧКА. Конечно. Ты умен, Юродивый, но таких простых вещей не понимаешь. Ни в одном городе нет принца, но есть дорога, ведущая в город. Принцы приходят той дорогой. Разве ты забыл, что за воротами дорога только уводит от дома?

Юродивый, родненький, Девушка тоже вначале плела кружева. Потом эти кружева превратились в кисеты. Ладно, не печалься, сама не знаю, почему об этом говорю... Пойду-ка домой. А что ты будешь делать?

ЮРОДИВЫЙ. Недалеко от трактира есть дерево. До полудня посижу рядом с ним, пережду, пока все закончится.

ДЕВОЧКА (*уходя*). Поторопись, до полудня недолго уже осталось.

ЮРОДИВЫЙ. Да, половина времени...

Юродивый и Ж е н щ и н а.

ЖЕНЩИНА (*запыхавшись*). Не видели Звонаря?

ЮРОДИВЫЙ. Он ведь не собирался выходить из дома?

ЖЕНЩИНА. Я плотно задернула занавески, его горящие ладони опустила в синюю краску. Потом не помню, как уснула. Просыпаюсь, а его нет. Окна не занавешены, краска в миске засохла, потрескалась. Юродивый, чует сердце мое неладное.

Найди мне Звонаря.

ЮРОДИВЫЙ. Он может быть только в городской управе.

ЖЕНЩИНА. Я знаю, но ты найди его.

ЮРОДИВЫЙ. Ну что ты так переполошилась. Вернется он после полудня.

ЖЕНЩИНА. Не вернется. Но обязательно должен знать, что клубок ниток выкрасился.

ЮРОДИВЫЙ. Правда? И в какой цвет?

ЖЕНЩИНА. Не знаю... В тысячу цветов.

ЮРОДИВЫЙ. Что за краска была?

ЖЕНЩИНА. Не краска это. Секретарь вытер руки клубком.

ЮРОДИВЫЙ. И что это значит?

ЖЕНЩИНА. Ничего уже не значит, но Звонарь должен об этом узнать... перед тем, как он повесится на веревках колоколов.

С е к р е т а р ь и П и с а р ь выходят из городской управы.

СЕКРЕТАРЬ. Текст приказа ты знаешь, не буду зря диктовать. Не забудь поставить подпись Вышестоящей инстанции.

ПИСАРЬ (*с неизменной недоверчивостью*). Кому она нужна!

СЕКРЕТАРЬ (*строго*). Не имеет значения. Все должно быть по закону.

ПИСАРЬ. Ну да, раз речь идет о подписи.

СЕКРЕТАРЬ. Подпись очень важна, ясно?

ПИСАРЬ. А закон?

СЕКРЕТАРЬ. Закон существует для подписи. Когда же ты усвоишь эти простые вещи? Особый приказ придает закону больше значимости.

ПИСАРЬ. Еще чего! Городу противен Особый приказ.

СЕКРЕТАРЬ. Не противен, а страшен. Поймешь ты когда-нибудь эту разницу?

ПИСАРЬ. Да, когда Особого приказа не будет больше.

СЕКРЕТАРЬ. Сам-то своим словам веришь?

ПИСАРЬ. Кто-то же должен в это верить.

СЕКРЕТАРЬ. Нет, приятель, это не твоего ума дело. Ты прямо весь из себя недоверчивый.

ПИСАРЬ. Недоверчивость – пища для веры. Когда же ты усвоишь эту простую вещь?

СЕКРЕТАРЬ. М-да-а... Ты тоже ждешь Возвращенца?

ПИСАРЬ. Я не жду. Я верю.

СЕКРЕТАРЬ (*внимательно смотрит*). М-да-а...

ПИСАРЬ. Что глазеешь? Только что меня увидел?

СЕКРЕТАРЬ. Юродивый нашел замену Звонарю. А я думал, место Пьяницы в трактире будет вакантным.

ПИСАРЬ. Чтоб Пьяница расстался с трактиром?.. Такое невозможно. Правда, его видели в городе, но это еще ничего не значит.

СЕКРЕТАРЬ (*миролюбиво*). Конечно, ничего не значит. Теперь я спокоен: стакан у Пьяницы не будет пустым.

Те же и П е к а р ь.

СЕКРЕТАРЬ (*увидев проходящего Пекаря*). Вот это новость – ты не спишь в столь поздний час?

ПЕКАРЬ. До сна ли теперь, когда знаешь, что Пьяница в городе. Но я с ног сбился и нигде его не нашел.

ПИСАРЬ (*меланхолично*). Его два часа уже истекли.

СЕКРЕТАРЬ (*Пекарю, ехидно*). Ври да знай меру. Пьяницу, говоришь, ищешь? А может, его зовут Возвращенец?

ПЕКАРЬ. Ну, допустим, тебе-то что?

СЕКРЕТАРЬ. А ничего. (*Писарю.*) Пора уже размножить Особый приказ.

ПЕКАРЬ. Нет, ты не посмеешь! На сей раз не посмеешь! Не будет Особого приказа!

ПИСАРЬ (*Пекарю*). Почему ты так уверен? Иметь под рукой готовый приказ не помешает.

СЕКРЕТАРЬ. А еще говорил, что веришь.

ПИСАРЬ. Да, я верю, а Пекарь уверен. Поймешь ты когда-нибудь эту разницу?

СЕКРЕТАРЬ. Замолчи! Тебя еще не хватало!

ПЕКАРЬ. Говорю тебе, не будет приказа.

СЕКРЕТАРЬ. Ты видел Возвращенца?

ПЕКАРЬ. Обязательно надо видеть его?

СЕКРЕТАРЬ. Конечно нет. Но если Возвращенца нет в городе, то не будет и Особого приказа. Понимаешь, что грозит городу?

ПЕКАРЬ. Ничего не хочу понимать. Одно знаю – не будет приказа!

СЕКРЕТАРЬ (*Пекарю*). Ступай поспи. Завтра городу понадобится хлеб. Ступай!

ПЕКАРЬ (*подавленно*). Если увидите Пьяницу, скажите, пусть зайдет к нам. У меня припасена водка, давно я всласть не напивался.

ПИСАРЬ. Я приду попозже, вдвоем разопьем.

П е к а р ь уходит.

СЕКРЕТАРЬ. Приказ размножить, развесить на домах с нечетной нумерацией!

Двери магазинов распахнуть! Глаза животным завязать!

ПИСАРЬ. А если Возвращенец в городе?

СЕКРЕТАРЬ. Ты веришь тому, что сказал?

ПИСАРЬ. Слова по умолчанию и произнесенные вслух совершенно не одно и то же. Поймешь ты когда-нибудь эту разницу?

СЕКРЕТАРЬ (*сквозь зубы*). Пьянчуга!

У городских ворот Ю р о д и в ы й.

ЮРОДИВЫЙ. Недолго осталось до полдня. Дерево очень одинокое. Пойду сяду под его густой кроной, обниму ствол, утешу словами. Она ждала, но принца дорога не привела. Она наконец смирилась, и пожелтевшие кружева не будут больше стискивать ее своими кольцами. Чуть погодя время погрузится во мрак, а потом с бешеной скоростью устремится вперед. Но меня это не касается. Я знаю, что должен быть рядом с деревом. Каждый в городе тоже знает, что ему надо делать. Наверное, благодаря этой тайне, город до сих пор держится. Держится – пусть даже с помощью ворот.

Подходит к замурованной дверце, толкает ее плечом, пытается открыть.

Ничего не получается. Стряхивает с плеча пыль, криво усмехается и, фальшиво насвистывая, выходит из ворот.

ВОКЗАЛ

Пьеса третья

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г а д а л к а.

У б о р щ и ц а.

Н а ч а л ь н и к в о к з а л а.

С л у г а - Ч у ж е с т р а н е ц.

Ю р о д и в ы й.

П и с а р ь.

С е к р е т а р ь.

1-й П у т н и к.

2-й П у т н и к.

3-й П у т н и к.

Пустой зал ожидания. В одном углу сложены до потолка чемоданы с номерами на бирках.

Входит У б о р щ и ц а, начинает прибираться, так, будто зал переполнен пассажирами.

Передвигает невидимые предметы, просит воображаемых пассажиров пересесть или приподнять ноги, чтоб не мешали подмести. С чемоданов срывает бирки, затем достает из кармана и прикрепляет новые бирки. Старые кладет в карман.

Гадалка, Уборщица.

ГАДАЛКА (*входя*). Поторопись. Уже рассвело, сейчас зал наполнится.

УБОРЩИЦА. Веник – мой, прибираюсь здесь я. Зал и без того переполнен, не мешайся под ногами.

ГАДАЛКА. Ну, ну... Не охота мне с тобой препираться. Прибери в моем углу – и ты не услышишь мой голос.

УБОРЩИЦА. У тебя разве приберешься? Что за дрянью замусорен твой пол?

ГАДАЛКА. Ну ты хоть раз видела, чтоб я ела или пила что-нибудь, а?

УБОРЩИЦА. Вот поэтому и спрашиваю.

ГАДАЛКА. А зря.

УБОРЩИЦА. Если тебе не отвечают, ты со временем сама находишь ответ.

ГАДАЛКА. Ага, не из-за этого л твоего ответа на меня косятся в городе, не здороваются? Какие сплетни ты обо мне распускаешь?!

УБОРЩИЦА. Нечего мне рот затыкать!

ГАДАЛКА. Да я прекрасно знаю, зачем ты злословишь. Я же могу так наворожить, что ты превратишься в дрессированную обезьянку. Сейчас прямо нагадаю тебе, и ты из заклятого врага станешь покорной рабыней. Но... я не сделаю этого.

УБОРЩИЦА. Почему же?

ГАДАЛКА. Мне нужна твоя злоба, она оберегает меня.

УБОРЩИЦА. Она изничтожит тебя.

ГАДАЛКА. Когда-нибудь – да. Но пока что оберегает.

УБОРЩИЦА. От кого это?

ГАДАЛКА. От меня самой... Так что продолжай злословить.

УБОРЩИЦА (*потерпев фиаско*). Вот пожалуйсь Начальнику вокзала, что из-за твоего грязного пола всюду распространяется зараза, и он вышвырнет тебя отсюда.

ГАДАЛКА. Милочка, мы же с ним одного сапога пара, нам друг без друга нельзя. Да и не забывай, что раз в месяц я загадываю ему судьбу... по ночам. *(Смеется.)* Он меня в обиду не даст, любого разорвет.

УБОРЩИЦА. И меня тоже?

ГАДАЛКА. Да кто ты – мелкая сошка. Он меня от города защищает.

У б о р щ и ц а, полная негодования, уходит.

Гадалка ставит друг против друга два стула, на один садится сама.

Гадалка и 1-й П у т н и к.

1-й ПУТНИК *(вбегая)*. До отправки поезда еще полчаса. Успеешь погадать?

ГАДАЛКА. За полчаса можно родиться и умереть... Присаживайся. Закрой глаза. Сейчас ты уснешь. Ты услышишь мои слова, но, проснувшись, забудешь.

1-й ПУТНИК. Тогда зачем ты гадаешь?

ГАДАЛКА. Потом поймешь.

1-й ПУТНИК. Ладно. *(Садится, закрывает глаза.)*

ГАДАЛКА *(не мигая смотрит на спящего)*. Убега-аешь... Без оглядки. Бросил все и удира-аешь. Эта зараза не извне, она возникла в самом городе, это искусственный микроб. В городе никто не знал, что будет завтра. А Вышестоящая инстанция знала так же хорошо, как и сам город, которым овладела. Она победила, потому что мы смолчали. К примеру, ты – уезжаешь. От кого – от чудища? А как быть городу, куда бежать? Ведь его изначально приковали к воротам. Как же ты не понимаешь, что от Вышестоящей инстанции не убежишь. Вышестоящую инстанцию... *(Пауза. Другим тоном.)* Проснись. Тебя ждет дальняя и нелегкая дорога, а потом – красивая женщина, возможно, слава...

1-й ПУТНИК. Так я пойду. Сколько я должен заплатить?

ГАДАЛКА. Сколько не жалко. Послушай меня. Ты никогда не пожалеешь о сегодняшнем дне, но иногда тебе будет сниться сон – один и тот же: город, который не может убежать. Ты никогда не пожалеешь, но каждый раз после этого сна будешь искать смерти. А теперь ступай!

1-й П у т н и к подходит, не выбирая, берет один из чемоданов и выбегает.

Гадалка и Начальник вокзала.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА (*вместо забранного чемодана кладет новый, поворачивается к Гадалке*). Только что кто-то сломя голову вскочил на подножку вагона. Явно, с тобой встречался. И как тебе удастся их убедить?

ГАДАЛКА. Да я всего лишь укрепляю их собственное убеждение. Все перебивавшие на этом стуле заранее знали, чего они хотят.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Не знаю, не знаю... Ты мастерица своего дела, и всему найдешь оправдание. Я же пока закрываю глаза на твое, так сказать, творчество, поскольку есть приказ Вышестоящей инстанции.

ГАДАЛКА. А если б не было приказа, как бы ты поступил?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Придумал бы что-нибудь, достойное тебя.

ГАДАЛКА. Если уже не придумал. (*Миролюбиво.*) Давай погадаю тебе.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Ты бы лучше хоть раз погадала Уборщице.

ГАДАЛКА. А тебе лучше не вмешиваться.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Смотри, накличешь беду.

ГАДАЛКА. Чему быть, тому не миновать. (*Пауза.*) Присядь, передохни. Не бойся, не буду тебе гадать. Вчера приехал Искатель.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Не сам приехал – доставили.

ГАДАЛКА. Такая доставка бывает превыше тысячи приездов. Слушай, я много чего повидала, но чтоб деревянный гроб так заржавел...

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Твое дело – гадать, и людей из города напутствовать. Не суй нос, куда не следует. На это у тебя нет инструкции Вышестоящей инстанции.

ГАДАЛКА. Что я такого сказала? Буду я или не буду тут – что от этого изменится?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. А то, что у отбывающих не будет такой уверенности.

ГАДАЛКА. Такова воля Вышестоящей инстанции.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА (*вполголоса*). Никто, кроме тебя, не близок так к

Вышестоящей инстанции. Будь человеком, скажи хотя бы мне, какая у нее цель?

ГАДАЛКА *(настороженно)*. Какая еще цель? Не понимаю.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(монотонно и бесстрастно, как монолог, лишенный интонации)*. Ты все понимаешь. Мне хотя бы скажи почему впустили дорожную заразу почему не удержали первого же отбывающего почему хотя бы одного из них не пожалели ни по кому не тосковали и почему не ждали возвращения хотя бы одного из них почему распорядились запирасть ворота на ночь ведь знали возвращенцы прибывают ночью.

ГАДАЛКА. Почему именно ночью?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Потому что отбывали на рассвете.

ГАДАЛКА *(сквозь зубы)*. Что у тебя на уме? Что ты задаешься своими дурацкими вопросами? Ишь, какой выискался – ему понять надо Вышестоящую инстанцию. Тебе, что же, плохо живется? Или оставшиеся худо устроились? Отнюдь, все вы спокойно спите по ночам, потому что есть хозяин, есть увесистый замок, и ни одна собака не нарушит их покой. Вышестоящая инстанция все делает по желанию города.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Как же вы обнаглели!.. Принуждение уже выдаете за необходимость. Неужели не видите, что люди уже не те, что прежде. Полдень, наступающий после долгой ночи, довел их уже до безумия. Сколько можно ждать и надеяться?

ГАДАЛКА. Конечно, так нельзя, потому что и смерть должна быть у дел.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(в ужасе)*. Уже и смерть в вашей власти?

ГАДАЛКА *(холодно)*. Наша власть повсюду и во всем. Сегодня будет затмение. И что может предотвратить затмение? Солнце? Особый приказ, дорогой, Особый приказ, который Секретарь уже диктует Писарю.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(тем же бесстрастным голосом)*. А какой был город... девушки плели кружева танцовщицы по выходным плясали на городской площади мальчики сбегали с уроков в лес и набив карманы лесными ягодами возвращались через боковую дверцу... белоснежные птицы... *(Захлебывается и умолкает.)*

ГАДАЛКА. Каждая из Вышестоящих инстанций перекраивает город на свой лад.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Да... Нам и на сей раз не повезло.

ГАДАЛКА. Послушай, а история... о бывшем городе, она реальная или всего лишь легенда, как и те белоснежные птицы?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Я все это видел.

ГАДАЛКА. А может, тебе приснилось?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. В таком случае, почему сегодня Девушка, Пьяница, Звонарь покончили счеты с жизнью?

ГАДАЛКА *(после паузы)*. Ну что ж, они наконец-то отдохнут. Не сомневаюсь, что город найдет им замену. Не переживай.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Утешаешь?

ГАДАЛКА. Всего лишь напоминаю.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(поднимаясь с места)*. Ты уверена, что в полдень начнется затмение?

ГАДАЛКА. Хочешь знать, в городе ли Возвращенец?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Да.

ГАДАЛКА. В любом случае затмение состоится.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(спокойно)*. Ведьма. *(Уходит.)*

ГАДАЛКА *(вслед ему)*. Начальник вокзала!

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА *(оборачиваясь)*. Мне повторить?

ГАДАЛКА. Не стоит. Я буду одна ночью, можешь зайти.

Гадалка и 2-й П у т н и к. Он идет по залу так, будто там многолюдно. С кем-то будто бы сталкивается, кого-то обходит, у третьего о чем-то спрашивает, и тот указывает на Гадалку. Преодолевая густую толпу, пробивается к Гадалке.
2-й ПУТНИК *(приближаясь к Гадалке)*. Какая суета... Давно не видел столь переполненного вокзала. *(Грузно плюхается на стул.)* На перроне ведьма с метлой рассказала о тебе...

ГАДАЛКА. Что ж ты ведьму послушался?

2-й ПУТНИК. К ведьмам-то и надо прислушиваться. Ангелы – на небесах.

ГАДАЛКА. Или уже под землей. И что тебе сказала старуха?

2-й ПУТНИК (*оценивающе разглядывая ее*). Ты водишься с темной силой...

Полюбившегося мужчину затаскиваешь в постель и сразу же о нем забываешь...

ГАДАЛКА. И несмотря на это, хочешь, чтоб я погадала тебе?

2-й ПУТНИК. Только ты скажешь, все как есть. Я прав?

ГАДАЛКА. А разве ты ошибаешься? Ты вещи свои оставил на перроне.

2-й ПУТНИК. Никто не польстится на мою потрепанную котомку. Закрывать глаза?

ГАДАЛКА. Закрой. Ты сейчас уснешь...

2-й ПУТНИК. Знаю, начинай. (*Беспокойно ерзает, потом сразу засыпает.*)

ГАДАЛКА (*не мигая смотрит на него*). Зачем тебе входить в город? Там нет ничего

примечательного. Ты случайный прохожий, тебе незачем нарушать здешнюю

размеренную, наладившуюся жизнь. Да, возможно, на какой-нибудь из улиц ты

встретишься с чьим-либо взглядом. Но не стоит подвергать себя испытанию ради

мимолетных случайностей. Тем более что Вышестоящая инстанция боится видеть

новых людей в городе. Новое само по себе отпугивает... (*На миг утратив*

самообладание.) Может, войдешь в город, а? (*Пауза. Берет себя в руки.*)

Просыпайся. Ты хотел войти в город, но времени в обрез, твой поезд

отправляется. Поторопись, тебя ждет выгодная сделка, ты найдешь свое дело. И

никогда не пожалеешь, что не увидел этот город, но изредка тебе будет сниться

сумбурный сон: кто-то сидит у окна и плетет кружева... После этого тебя несколько

дней будет мучить жажда, и вода ее не утолит. Ступай. Да, твою котомку кто-то

выбросил в мусорный бак.

2-й ПУТНИК (*быстро подходит, хватая один из чемоданов и направляется к выходу*). Я поступил правильно?

ГАДАЛКА. А разве ты ошибаешься?

Гадалка и Уборщица.

УБОРЩИЦА. Когда зал опустел? (*Добавляет новый чемодан, недовольно разглядывает.*) И этого тоже справдила? Тебе от самой себя не тошно?

ГАДАЛКА. Нет, твоей тошноты нам на двоих хватит.

УБОРЩИЦА. Знаешь, а я вот подумала: ты только мне и Вышестоящей инстанции не погадала.

ГАДАЛКА. Твое самолюбие польщено? Зря. Ты горишь желанием, чтоб тебе погадали, а Вышестоящей инстанции это до лампочки. Чувствуешь разницу?

УБОРЩИЦА. Ну да, на кой ей далось гадание? Она прекрасно знает, что у всех Вышестоящих инстанций в мире одинаковая судьба.

ГАДАЛКА *(с невольным уважением)*. Ну ты дае-ешь!..

УБОРЩИЦА *(будто не расслышав)*. Знать бы только, почему я хочу узнать...

Те же и С л у г а.

Вбегают, зал ожидания пустой. Оглядывается, садится.

УБОРЩИЦА. Чужестранец, куда ты смотришь, ты же всем ноги передавил.

СЛУГА. Ноги? Чьи ноги?.. И потом – у меня есть имя!

УБОРЩИЦА. Ну а я что сказала?

СЛУГА. Не знаю, но у меня есть имя.

УБОРЩИЦА *(миролюбиво, но со злорадством)*. Ладно, как же тебя зовут?

ГАДАЛКА. Зачем ты мучаешь беднягу?

СЛУГА. Я не бедняга.

ГАДАЛКА. Тогда глупец.

УБОРЩИЦА. Что-то я не расслышала твое имя.

СЛУГА. За три дня никто тут по-человечески со мной не поговорил.

ГАДАЛКА. А потому, что никто не сказал тех слов, которые ты хотел бы услышать

СЛУГА *(передразнивая)*. Я – хотел! Да я и забыл, что это такое.

УБОРЩИЦА *(зло)*. Не ной! Тебя только не хватало с твоими незабытыми желаниями. Сядь и сиди, пока поезд твой не прибудет. Никуда не отлучайся, соседей рядом не беспокой!..

СЛУГА. Ты что, надзиратель?

ГАДАЛКА *(довольная)*. Ай да сказанул – надзиратель в юбке.

УБОРЩИЦА (*Слуге*). И не вздумай корчить из себя остролова. Кто о желаниях забыл, тот не способен острить. Ты всего лишь снабженец солнца. (*Драчливо.*)
Почему гроб привез?

ГАДАЛКА. Тебя должен был спросить?

УБОРЩИЦА. Да, не Танцовщицу же...

СЛУГА. За столько лет я впервые не смог обеспечить его солнцем, а ваш безумный город.

УБОРЩИЦА. Навязал на нашу голову обледеневший ящик...

ГАДАЛКА (*точно эхо*). Заржавевший ящик.

СЛУГА. Он не обледеневший и не заржавевший... Смердящий. Прогнивший ящик, проделавший многомесячный путь. А как вы все обрадовались, когда ворота открылись. Пришли встречать в праздничных нарядах, с букетами. Ну и как – встретили? (*Посмеиваясь.*) А лица, как вспомню эти лица... Улыбки до ушей внезапно скомкались, как лопнувшие шарики, от цветов потянул запах гнили. При виде гроба празднество моментально сменилось траурным шествием. (*Его скручивает от беззвучного смеха.*)

УБОРЩИЦА (*садится рядом с ним, нежно*). Ну-ну, успокойся, сынок. Никакого толку от такой злости, себе только навредишь.

ГАДАЛКА. Ты ее слушайся, она бо-ольшой знаток злости.

УБОРЩИЦА (*игнорируя Гадалкой*). Прекрати смеяться. Кому сказала – уймись!

Слуга застывает в неестественной позе.

Они ведут странный диалог, не слушая друг друга.

Когда ты потерял себя?

СЛУГА. Знаешь, в чем тайна детства?..

УБОРЩИЦА. Скоро твой поезд прибудет.

СЛУГА. Уметь помнить родительский дом...

УБОРЩИЦА. Один из тех чемоданов – твой.

СЛУГА. Девять лет, как нет в живых отца. Когда-то я засыпал с мыслью, что отец обо мне думает. И спал спокойно. Девять лет либо не сплю по ночам, либо никакие мысли не приходят в голову. В конце концов я потерял себя.

УБОРЩИЦА. Займешь свое купе, проводник принесет тебе горячего чаю.

СЛУГА. А знаешь, когда заканчивается детство? Когда взрослый человек с детской беспомощностью тоскует по отцу, который так и не состарился.

УБОРЩИЦА. А потом заснешь до самой своей станции.

СЛУГА. Девять лет я люблю всех стариков на свете. Всех. Но не покидает меня тоска по не состарившемуся отцу...

Пауза.

УБОРЩИЦА (*Гадалке*). Ты и этого охмурила?

ГАДАЛКА. Юродивый уже решил за меня.

СЛУГА (*встрепенувшись*). А, тот придурок? Еще раз увижу его – набью морду.

ГАДАЛКА. Вы с ним подружитесь.

СЛУГА. Такой друг хуже чумы. Не знаю, буду ли я еще здесь, но морду ему расквасить все равно захочу.

УБОРЩИЦА. А кто недавно говорил, что забыл о желаниях?

ГАДАЛКА. Ты не вмешивайся. Когда высвобождаешься из капкана чужой воли, вспоминаешь о себе любимом. Не так ли, Чужестранец?

СЛУГА. И ты туда же... Чужестранцем назвала, как и тот придурок.

ГАДАЛКА. Но Чужестранцем с большой буквы, как твое имя.

УБОРЩИЦА (*нетерпеливо*). Чего ты тянешь, нагадай ему тоже, и на сегодня хватит.

СЛУГА. Я начинаю понимать вашу бессмысленную перепалку. (*Гадалке*.) Твое гадание для меня – ничто. Выкладывай, что тебе в голову взбредет, или что тебе велели сказать.

УБОРЩИЦА (*поспешно*). Откуда ты знаешь, что ей велели?

СЛУГА. Собственные мысли высказываются повелительно. (*Гадалке*.) Я угадал?

ГАДАЛКА (*бесстрастно*). Можешь еще поделиться своими догадками.

СЛУГА (*принимая вызов*). Этой ночью тебя не было дома. Притаилась за чемоданами и выжидала. Ты и сейчас поджидаешь. А ведь тебе так бы хотелось держаться подальше от всей этой мерзости, не ждать в укрытии Возвращенца, чтоб не впустить в город и отправить обратно. Это приказ Вышестоящей инстанции, не

так ли? Тебе хотелось бы побыть дома, пусть даже затеять стирку. Это не любимое твое занятие, но сейчас ты с большим удовольствием утопила бы в мыльной пене холодные следы своих простыней.

УБОРЩИЦА (*мстительно*). После долгой ночи она, как затаившаяся сова. А ее выстиранные простыни воняют кислым мылом.

ГАДАЛКА. Хоть тресни – не стану тебе гадать, ничего не скажу о твоих бессмысленных днях. Разве что Чужестранец возьмется погадать.

СЛУГА (*мельком взглянув на Уборщицу*). Ей? Ни за что! Гадалкой себя величаешь, а не знаешь, что Возвращенец на вокзал не придет.

ГАДАЛКА. Но он и в город не войдет.

СЛУГА. Нет его поезда.

ГАДАЛКА. Нет и ключа от замурованной дверцы.

СЛУГА. Не придет он на вокзал.

ГАДАЛКА. Но в городе будет затмение.

СЛУГА (*разом сникнув*). Да, в городе будет затмение.

ГАДАЛКА (*сухо*). Я закончила сегодняшние дела.

УБОРЩИЦА. Пойдешь стирать?

ГАДАЛКА. Нет, у Пекаря припасена хорошая водка.

СЛУГА (*смирившись*). Где мне взять новые веревки для колоколов?

ГАДАЛКА. Убедился, что Юродивый тебе друг? Веревки возьмешь в городской управе. Секретарь уже выписал на твое имя. (*Уборщице.*) Передашь начальнику вокзала, пусть не приходит этой ночью.

УБОРЩИЦА. Новенького себе завела?

ГАДАЛКА. Дура! Водка Пекаря на целую ночь хватит, она всех заменит.

УБОРЩИЦА. А Вышестоящей инстанции кто будет отчитываться?

ГАДАЛКА. Даже она понимает, что бывают дни, когда вовсе не до отчетов. Иногда она проявляет великодушие... когда не видит другого выхода.

УБОРЩИЦА. Ну почему ты не хочешь погадать?

ГАДАЛКА. Я уже говорила.

УБОРЩИЦА (*Слуге*). Ну а ты? (*Передразнивая.*) «Ни за что!»

СЛУГА. Я уже говорил.

УБОРЩИЦА. О как спелись! А ну-ка оба пошли вон отсюда! Будет этот зал, в конце концов, вычищен?! *(Берется за работу.)* Чужестранец, твой багаж – только гроб? То есть не чемодана... того... сумки... А?

СЛУГА. Мало тебе гроба, что ли?

УБОРЩИЦА. Городу мало, куда уж мне. Так вот налегке и явишься в город? *(Заговорщицки.)* Дать тебе чемодан?

ГАДАЛКА *(жалостливо Уборщице)*. Ну что тебе так неймется, а? Что так мечешься?

УБОРЩИЦА. Сынок, знаешь ли, на что идешь?

СЛУГА *(упрямо)*. Узнаю.

УБОРЩИЦА. Ухватились они за тебя, горемычного, хотят новыми веревками привязать тебя. Тебя, который самого себя давно потерял. Который не нашел в себе силы попрощаться с так и не состарившимся отцом...

СЛУГА. Замолчи, не то я...

УБОРЩИЦА. Что – ты? Ну что ты сделаешь? Ты же мог только другому обеспечить солнце. А где оно – твое солнце?. Думаешь, почему они тебя выбрали и отправляют в город? Совсем недавно кто-то хотел на полчаса войти в город, так его не пустили. *(Указывая на Гадалку.)* И она тоже не пропустила.

СЛУГА. Но почему?

УБОРЩИЦА. Он отличался от нас, он не был чужой тенью. Он не умел ошибаться. Ему не разрешили, а тебя ждут. Ты станешь таким же, как мы, и будешь звонить в колокола городской управы, пока не износятся веревки и не иссякнет твое терпение. Ступай.

СЛУГА *(Гадалке)*. Так мне идти?

ГАДАЛКА. Что бы я ни сказала, ты поступишь по-своему.

СЛУГА. Конечно.

ГАДАЛКА. В таком случае пойдем в город.

СЛУГА. Ты ступай, я догоню.

ГАДАЛКА (*многозначительно*). Я подожду на улице. (*Уборщице.*) Мы с тобой похожи, мы друг друга дополняем. Обе мы боимся мужчин. Я подавляю свой страх, затаскивая их в постель, ты – отвергая их. Что же тогда нас разделяет?

УБОРЩИЦА. Ночь. У меня – одинокая, у тебя – пустая.

Г а д а л к а уходит.

Слуга и Уборщица.

СЛУГА. Ты видела Возвращенца?

УБОРЩИЦА. Не помню.

СЛУГА. Я похож на него, ну, хоть немного.

УБОРЩИЦА. Не помню.

СЛУГА. Возвращенец был на вокзале?

УБОРЩИЦА. Не помню.

СЛУГА. А что ты помнишь?

УБОРЩИЦА. До полдня осталось совсем мало. Тебе надо быть в городе.

СЛУГА. А если не будет затмения?

УБОРЩИЦА. Не надейся. До тех пор пока отбывающие всего лишь только возвращенцы, затмение в руках города.

С л у г а уходит.

Уборщица и Начальник вокзала.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Что сказала Гадалка?

УБОРЩИЦА. Чтоб ты не шел к ней ночью. У Пекаря отличная водка.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. А кто отчет будет составлять?

УБОРЩИЦА. Тебя это так волнует?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Я рад, что в дни затмения не бываю в городе.

УБОРЩИЦА. Когда ты был там в последний раз?

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Ни разу не был. Не могу столь важный объект оставить без присмотра. А ты?

УБОРЩИЦА. Я – много раз.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. И что?

УБОРЩИЦА. Ничего.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. То есть – как? А закрытые магазины, пестрые нити и бисер, спадающие с неба, животные с черными повязками на глазах, обезумевшие от страха жители...

УБОРЩИЦА. Все так и было, но один только раз: после первого отбывшего. Всего лишь раз. А сейчас в полдень магазины открыты, глаза у животных без повязок, люди – все на одно лицо и с одинаковым взглядом.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. А как же Особый приказ Вышестоящей инстанции?

УБОРЩИЦА. Нечто похожее на ритуал, никто на него не обращает внимания

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Ничего не понимаю.

УБОРЩИЦА. Скорее всего, не помнишь. Перед каждым затмением я рассказываю тебе, а после затмения ты забываешь.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Но как же Пекарь, Девушка, Пьяница?.. Остальные?..

УБОРЩИЦА. Они последние, кто помнит.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Твои слова я чуть погодя забуду, но одно точно запомню...

УБОРЩИЦА. Только не вздумай ругать Вышестоящую инстанцию.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА. Таков мой удел – ругать.

УБОРЩИЦА. Ворота ругательством не отопрешь.

Те же и 3-й П у т н и к.

3-й ПУТНИК. Мне сказали, тут есть гадалка.

УБОРЩИЦА. Зачем она тебе? Забери свой чемодан и ступай. Все равно – уедешь.

3-й П у т н и к берет чемодан и уходит.

НАЧАЛЬНИК ВОКЗАЛА (*привычным движением протискивает новый чемодан*).

Гадалкой недовольна, а сама ты ничем не лучше. Здорово у тебя получается – выпроваживать.

УБОРЩИЦА. Городу не нужны случайные люди. Город ждет Вернувшегося.

Пустырь. Ю р о д и в ы й уселся на земле, так, будто прислонился к невидимому дереву.

Входит П и с а р ь.

ЮРОДИВЫЙ (*с закрытыми глазами*). Скажешь Трактирщику, пусть на ночь запрет дверь.

ПИСАРЬ. Еще чего, далась тебе эта дверь! (*По-дружески.*) Никогда еще я так не напивался. Пьяный, как собака. Хоть бы кто подсказал, куда я иду?

ЮРОДИВЫЙ. В трактир. Тебя там ждет тахта, стакан, до краев полный. И бесконечная перепалка с Трактирщиком.

ПИСАРЬ. Устал я...

ЮРОДИВЫЙ. ...как собака.

ПИСАРЬ. Как ты догадался?

ЮРОДИВЫЙ. Я догадался не только об этом. Хочешь узнать, что стряслось с Возвращенцем?

ПИСАРЬ. Еще как! Так, что можешь вообще и не говорить об этом. В городе продолжают его искать. Но мне-то что за дело? Теперь мне есть, с кем воевать, есть множество стаканов, на дне которых потоплю последние крохи недоверия. У каждого из нас свое призвание.

ЮРОДИВЫЙ (*с нескрываемой издевкой*). И как фанатично каждый верен своему призванию!

ПИСАРЬ. Помолчал бы... Забыл, как служил Шутом у Вышестоящей инстанции.

Был уверен, что по праву Шута скажешь им в лицо то, о чем мы думали. И что же? Однажды тебя вышвырнули на улицу, в изодранной пестрой одежде, с умолкшими на колпачке колокольчиками. Как ты поступил: запротестовал, возмутился?..

Ничего подобного. Сменил колпак Шута на маску Юродивого. И город поверил, что у него появился свой Юродивый.

ЮРОДИВЫЙ (*лениво*). В общем-то не так уж плохо, значит, кто-то еще нуждается в речах Юродивого.

ПИСАРЬ. Так и утешай себя. Ну его к лешему, этого Возвращенца – только сегодня. Сегодня на дорогах будет спокойно, ночь – обычной. Короткая передышка. А вот завтра... Завтра начнется все та же изматывающая история. Заглядывай в трактир. *(Уходит.)*

ЮРОДИВЫЙ *(словно обнимает ствол дерева)*. Ты меня слышишь, я знаю. Одно не пойму я, как ты могла... Я тоже устал, но что делать? Я только могу вешаться каждый день на поясе-невидимке. Все – обман, даже притаившийся невдалеке город, который так люблю и ненавижу вдвойне. Ладно, умолкаю, прислонюсь к тебе и прислушаюсь к глухому биению твоего сердца...

Юродивый и Секретарь.

ЮРОДИВЫЙ. Опять бессонница замучила?

СЕКРЕТАРЬ. Опять ты за свое? Вышел прогуляться, не заметил, как время пролетело.

ЮРОДИВЫЙ. Ворота закрыли.

СЕКРЕТАРЬ. Ну, правильно. Не меня же должны были дожидаться?

ЮРОДИВЫЙ. Ну да... На рукаве у тебя серебристая пыльца – вытри.

СЕКРЕТАРЬ. Тебе показалось. Негде больше сидеть? Место осталось только под деревом?

ЮРОДИВЫЙ. Надо же, а Писарь дерево не заметил.

СЕКРЕТАРЬ *(пренебрежительно)*. Радуйся, что хоть тебя заметил. Я бы точно прошел мимо, если б, как он, нализался. Потеснись, дай сесть.

ЮРОДИВЫЙ. Отойди! Оставь Девушку в покое хотя бы теперь. *(Поднимается.)*

Пошли в город.

СЕКРЕТАРЬ. Сказал бы – в трактир. Ворота закрыты. А в трактире найдется выпивка до утра.

ЮРОДИВЫЙ. Пошли, не все подчиняется приказам. Запомни, приказы для того и существуют, чтобы их нарушать.

Подходят к невидимы воротам. Юродивый толкает – закрыто.

Начинает бить – напрасно.

СЕКРЕТАРЬ *(с кривой ухмылкой)*. Сейчас город проснется.

ЮРОДИВЫЙ. Чтоб проснуться, он должен спать. Что ты так побледнел? Подсоби давай.

СЕКРЕТАРЬ. Предпочитаю оставаться в роли наблюдателя.

ЮРОДИВЫЙ. До каких пор ты будешь трепетать перед приказом? *(Приближается к воображаемой замурованной дверце. Слегка ее толкает. Раздается глухой скрип, затем шум открывающейся двери.)* Почему Возвращенец не подошел к дверце?

СЕКРЕТАРЬ. А разве он хотел к ней подойти?

ЮРОДИВЫЙ. И то верно... Видимо, знал, что не найдет того, что ищет.

Юродивый, нагнувшись, входит внутрь. Секретарь счищает пыль с рукава и тоже, нагнувшись, пытается войти. Слышится стук – он ударяется лбом о свод. Так же криво ухмыляясь, щупает ушибленный лоб и, не сгибаясь, входит внутрь. Слышится звук захлопнувшейся дверцы.

Вдалеке раздается звон колоколов.

Перевод Каринэ ХАЛАТОВОЙ